

**Фидрих (Яковлев)
Леонид Игнатьевич
к 100 летию
со дня рождения
16.07.1922**

Первый аккордеон. Декабрь 1946 года.

Леонид Игнатьевич и Александра Алексеевна Яковлевы 1948 год.

В день свадьбы.

Отец за рулём мотоцикла "ИЖ-350". Лето 1948 года.

Славными трудовыми делами встречает июньский Пленум ЦК КПСС смена на третьем участке, руководимая Л. И. Яковлев

Бригадир Яковлев Леонид Игнатьевич.

Перед спуском в шахту смена бригадира Яковлева Леонида Игнатьевича.
(первый слева), в центре его друг Загляда Фёдор Гаврилович, мой крёстный.

10-я штольня, участок 3, 1950 год.

Яковлев Леонид Игнатьевич награждён знаком «Отличник социалистического соревнования Министерства угольной промышленности СССР 28.04.1949 года.

Яковлеву Леониду Игнатьевичу присвоено звание "Почётный шахтёр"
14.08.1950 года.

В городе Осинники, на улице Елбань в 1951 года был построен новый дом.

Под новый 1961 год, отец купил "Волгу ГАЗ-21". У комбината шахты "Капиталья-2" наша семья: Отец и мама, старший сын Георгий и младший сын Михаил.

25.04.1993 года мы в городе Томске, после выборов.

Золотая свадьба Леонида Игнатьевича и Александры Алексеевны Яковлевых.

07.09.1997 года.

Яковлев Леонид Игнатьевич
07.09.1997 года во дворе дома.

75-летний юбилей мамы Яковлевой Александры Алексеевны.
Сын Михаил, мама Александра Алексеевна, отец Леонид Игнатьевич,
старший сын Георгий и его жена Губина Татьяна Валерьевна.

10.04.1999 года.

Яковлеву Леониду Игнатьевичу присвоено звание "Ветеран труда"
угольной компании "Южжубассуголь"

18.07.2005 года.

В настоящее время род Яковлевых продолжают:
трое внучек, шесть правнуков и двое праправнуков.

Предистория или, что мне рассказал отец.

В 1861 году, после отмены крепостного права в России, из Польши пришла на Украину группа крестьян к графу Уварову, чтобы купить землю. Для своей потехи, крестьяне устроили перед дворцом состязание: кто дальше бросит через голову деревянную «бабу», которой забивают сваи на реке. Ее надо было поднять перед собой на руках на уровне пояса, а затем, прогнувшись, бросить ее через голову назад. В этом соревновании победил отец Игната, т.е. дед отца Станислав. За этим соревнованием наблюдал из окна сам граф, и он отметил победителя тем, что дал ему бесплатно надел земли. Так польская семья Фидриха оказалась в селе Близныця.

Моя жизнь. 6.03.1957г.

В Житомирской области Емельчинского района, в маленькой деревушке Близныця, которая растянулась вдоль шляха (дороги) на два километра, в 1922 году родился Я. (Точной даты неизвестно, но со слов старших, это было где-то после Петрова дня и, поэтому, днем рождения считали 15 июля). Нас в семье было три брата и четыре сестры, мать и отец. Самый старший был брат Иосиф, сестра Мария, Целестына, Болеслав, Галена и я - Леонид, меньше меня была еще Рыгина.

Усадьба наша была посредине деревушки. Отец и все старшие, занимались земледелием. Борис пас своих коров и овец, а мы с Галеной были без работы и занимались, чем хотели. Был у нас старый сад, в нем росли: груши, яблони, сливы, вишни и два куста орешника (лещины). Когда в саду начинали созревать груши и яблоки, то мы каждое утро, кто раньше встанет, бежит собирать в сад, что за ночь упадет, или после дождя или ветра.

Так мы друг перед дружкой старались, как бы больше насобирать.

21.03.1957г.

Через нашу усадьбу протекал маленький ручеек, в котором водилось много рыбы: щуки, лени, вьюны. Старший брат Иосиф ставил коши (морды) на рыбу и никогда не приносил меньше ведра рыбы, большей частью щука и вьюн.

Летом в жару этот ручеек пересыхал и тогда мы с Галеной бегали по ямкам и собирали щук, а когда исчезала последняя в ямках вода, то вьюны уходили в ил, и каждый вьюн имел свою норку, которую хорошо видно на свежем иле, и засунув руку в ил, доставали оттуда вьюна. Так иногда набирали по пол ведра.

У отца было 19 десятин земли и отец, мать и Иосиф, Мария – все время работали в поле или в огороде. Отец и мать были очень набожными и, поэтому все праздники и воскресенья соблюдались со всей строгостью религиозного закона, ездили в костел или молились дома.

По нации – мы поляки, а разговаривали мы, большей частью, по украински, и только по праздникам, отец запрещал говорить по украински, и все говорили по польски. На праздники пекли белый хлеб и пеклись разные коржики и пирожки. В такой день ели ржаной хлеб и простую пищу.

6.04.1957г.

В 1929 году сестра Мария вышла замуж в соседнее село Кривотын за Годлевского Ивана. Годлевские жили на хуторе, их было два брата. Иван старший и Франко младший, больше никого у них не было, за исключением семи сестер, которые были все замужем.

У них не было кому коров пасти и меня отдали Марии, чтобы я пас коров и овец. Так на седьмом году жизни я стал пастухом.

6.04.1958г.

Пасти было очень плохо потому, что кругом чужие хлеба, а пасти места мало и я, при своем росте, мог видеть только небо, чтобы посмотреть куда - нибудь, нужно было залезть на кучу камней на меже или залазить на дуб. Но я не унывал, и все время пел песни. Сначала на меня смотрели, как на гостя или на малого и все шло хорошо. Выгнав коров, я гонялся за зайцами, которые выскакивали из ржи и пшеницы. В будние дни, выгнав коров, я развлекал себя, чем мог: пел песни, прыгал и даже, Франко научил меня курить, я курил, имея свою махорку и спички.

Самое страшное для меня было воскресенье. Мария с Иваном уезжали в гости, Франко, обычно, уходил куда то на село гулять, а я один оставался среди этих пашен, не видя за день ни одной души, и, чем ближе был вечер, тем страшнее становилось мне. Дождавшись вечера, я загонял скот в сарай и бегом, подгоняемый страхом, бежал в избу и, укрывшись с головой, старался скорее заснуть. Утром меня будила Мария гнать пасти. Когда они с гостей приезжали, я ни разу не видел. У них была старая хата большая, из двух комнат, посредине сквозной коридор и по другую сторону коридора была конюшня и кладовка, вход со двора и можно было пройти насквозь по коридору в сад. Сад был старый и, я бы сказал, что он был посажен больше для красоты, чем для фруктов. Росли в нем несколько груш, слив, вишен и обсажен он был вязом. Из вяза у них была аллея, и такая густая, что в ней в любую жару было прохладно, на краю сада был старый колодец, в котором утопился старший брат Ивана из-за любви к девице, и я очень боялся этого колодца.

Иногда мы ездили к нам домой, и моим радостям не было границ. Мать и отец на меня не обращали внимания, а отец наказывал Ивану, чтобы он меня, если надо, и не стеснялся ударить, ибо ему не до меня. И в скором времени он показал, на что способен. А началось с того: осенью после уборки хлебов, мы пасли по чужим полям. Так как, я уже

сказал, что меня считали вроде гостя, то и я чувствовал себя выше всех ребят, и когда кто-то из ребят предложил напечь картошки, если бы она была. Я ничуть не задумываясь пошел и нарыл чужой картошки, напекли, наелись и пошли домой. Я лег спать, как ни в чем не бывало. И вдруг на меня сонного накиннулся Иван и стал меня ремнем стегать и бил меня с каким-то остервенением. Когда я стал кричать и звать Марию, то она сказала, что не будешь чужую картошку брать. Больше защиты не от кого было ждать, и я их стал ненавидеть.

14.04.1958г.

Зиму 1929-1930 года я жил дома.

Весной снова отдали пасти корову у Марии, а отца стали раскулачивать и все забрали: коров, лошадей, свиней. Отца хотели посадить, но он стал скрываться, а Юзик, старший брат, уехал в Белоруссию, там стал работать на строительстве железной дороги. Купил там лошадь и был грабарем, т.е. насыпали насыпь.

Отец скрывался все лето, после пришел домой и сказал: надоело, пусть хоть что делают. Дело было в субботу, он переночевал, а утром позавтракали, и как обычно, он молился богу в другой комнате. В это время явился ГПУ и он закрыл книжку и стал собираться.

Его увезли в район, а через месяц сказали, чтобы собирались, нас будут высылать на Сибирь.

Стали сушить сухари из хлеба, что родные дали, ибо своего не было, все забрали.

Матери посоветовали родные и соседки оставить детей дома, а ехать самой, ибо мы маленькие, самой старшой Целестине 14 лет, а нас, кроме ее, еще четыре. Сибири боялись, как черта, и мать согласилась ехать сама. Сцену расставания и прощания я описать не берусь. Только скажу: не доведись никому, никому, даже злейшему врагу быть участником или свидетелем этой сцены. Когда маленьких детей отнимают от матери или мать от детей.

Мать увезли. На железнодорожной станции мать с отцом соединили и повезли, как их везли, я не знаю, только письмо пришло из Томска, что где-то на Черемошне они рубят лес.

Когда мать собиралась на Сибирь, то нас учила и просила, чтобы мы слушали Целестыну и не ругались между собой, и ее наказ мы выполнили с честью. Во всем, что бы Целестына не сказала, никто не перечил и каждый старался, как мог.

Тетка Юльця жила по соседству и она нас, как могла, утешала, помогала, чем могла, хоть она и была нам чужая, и мы ее вспоминаем добрым словом.

В нашей хате стала колхозная контора и читальня, и красный уголок, и клуб – короче все.

И нас стали выгонять, а квартиры не дают, идите куда хотите, кулацкие дети. Выкидывают на улицу, а мы через чердак и снова в хату, подняли большой крик. Сбежались бабы и тетка Юльця, жила одна вдовой, ее муж погиб в гражданскую войну, уговорила этих выконавцев (исполнители) и председателя сельрады – Зыс был у нас гроза всей округи и он смиловался и разрешил перезимовать, пообещав выгнать весной. Стали люди сводить скот на наш двор, и стало организовываться колхозное хозяйство у нас во дворе. Целестына стала дояркой и то по просьбе тети Юльци. Сначала не брали нас на работу в колхоз, ибо мы – кулацкие дети и могли навредить чтонибудь, но постепенно все улеглось и Целестыну взяли дояркой в 14 лет, а Болеслав 13 лет стал скот кормить колхозный. Я и Лена (Галэна) были без дела в эту зиму, а Рыгина была у Марии, няньчила ее сына. Помню выпал первый снег и я решил побегать босиком по двору. Я оббежал двор босиком, потом полез на печь погреться, а тут молодые парни стали зюкать (подзуживать), чтобы я еще пробежал, и я побежал, а к вечеру у меня разболелась голова, и я заболел сильно. Позвали Гершка, еврей был у нас в деревне, он видно, что-то понимал, посмотрел мне в рот через ложечку и сказал, что это скарлатина, и меня

надо больше греть и не давать мяса и сала, кроме сладостей, и так два месяца. Не знаю, сколько я был в тяжелом состоянии, но когда стал хотеть есть, и особенно услышу запах сала, кажется – все бы съел, но мне не давали, кроме сладких коржиков, которые мне надоели. У меня стала слазить кожа по всему телу, выросла новая. Целестына все плакала надо мной, но матери не писала, а когда я выздоровел, тогда написали родителям.

Молодежь устраивала танцы, постановки и был хороший струнный оркестр из любителей. Разучивали новые песни и нам скучать не приходилось.

Зима кончилась и меня Мария взяла опять корову пасти. Целестына коров доила, а Болеслав пас колхозное стадо. И с дому нас снова выгоняют, после нам разрешили сделать комнату в коморе (кладовке). Когда заходишь со двора в хату, то расположение было такое: на право с коридора дверь в комнаты, прямо в стенку – это где картофель и бочки с капустой, а на лево комора, где мука стояла, мясо и прочее. Вот в этой коморе мы поставили печку, прорезали окно и залепили- побелили, стали жить и нас перестали выгонять.

У Марии я пас корову и было весело. Кругом стояли лагеря военных, они строили какие-то объекты и в лагерь и из лагеря всегда с песнями, а я пел всегда и когда плакать охото и от злости, когда меня набьют. Я много научился песен старых и военных. Научился ездить верхом на лошади, да не как нибудь, а наперегонки! Один раз мне разрешили поехать пасти кобылу на ночь с ребятами в лес, а лес был километра два от них, где я жил. Весело ночь провели, а утром половили лошадей, распутали и, кто быстрее поедет домой и врезали. Я был первый раз, и не знал этой хитрости, что нельзя быстро гнать кобылу, а я старался и потерял свитку, которую подстилал на коня. Примчался домой, а свитки нет. Я разворачиваюсь и снова за ней, нашел свитку, слез с кобылы, а залезть не могу, да, пока не дошел до камня (у них в селе каменистое место, на межах камни

кучами лежат – возможно там остановился ледник?) и как врезал домой, приехал и рад, аж Иван выходит и кричит: что ты сделал с кобылой?, загнал совсем – и, конечно врезал как положено мне. И когда осенью меня послали в школу, то я обрадовался и пришел домой.

Рассказал Целестыне про свое житье. Она сказала: оставайся дома и здесь будешь ходить в школу.

Это была осень 1931 года.

Весной 1932 года я с Леной стали пасти колхозных свиней. Болеслав пас колхозных коров, а Целестына доила коров, так и жили, но голод уже подходил к нам вплотную, но мы еще кое-как перебивались, ибо все работали, и трудодней у нас было больше, чем у других колхозников, и когда распределяли на трудодни, то нам всегда больше доставалось. И кто плохо работал, кричали: опять кулакам больше – и готовы были нас уничтожить. А в голодное время пасти коров никто не хотел, и тогда Болеслав взял меня и мы стали вдвоем пасти. Пасли мы в лаптях, которые плел Болеслав с лык липы и лозы. Когда мокро, то и нога мокра, а как станет припекать, то и ноги станут высыхать.

Вдоль нашего села с южной стороны было болото, и по нему была вырыта канава 3 метра ширины, вода стекала и по болоту косили сено. Как я уже говорил, что у нас было много солдат, они строили укрепления, недалеко была польская граница. Так вот это болото перегородили в пяти местах дамбами и образовались озера, в которых быстро размножилась рыба: карась и выюн, на этих озерах местами почва всплыла, а больше было воды, короче получились плавучие островки и вот на этих островках стали гнездиться дикие утки, очень много. Когда выгоняли коров утром, то один остается с коровами, а другой пошел за утиными яйцами на эти островки. По воде, где бредешь, где плывешь, а вот на островок залазить страшно, станешь заходить на него, под тобой почва прогибается, а перед тобой поднимается, то и гляди провалишься, но это не в счет. Яйца брали все – чистые и засиженные, без разбору – все шло в пищу.

Их мешали с кожурками (картофельными), или удастся когда стащить со свиного корыта месива (для этого надо было незаметно пробраться под крышу колхозного свинарника и сидеть на стропилах и ждать, когда дадут свиньям и уйдет скотник, и тогда, кто быстрее). Пекли такие лепешки и за счет этого выжили, ибо был большой голод на Украине, целые семьи повымерли с голоду, а мы, благодаря уткам и воронам. Воронят тоже брали с гнезд и варили.

Нам за хорошую работу дали с колхоза маленькую телочку, чтобы растили корову, и мы ее держали, т.е. растили.

Всех тонкостей нашей жизни не описать. Так мы жили до 1933 года. Под весну 1933 года вернулся домой Иосиф с Белоруссии. Он приехал потому, что нужно было справку с места рождения, для получения паспорта. Ему справку в сельсовете не дали, сказали: живи со своими и работай в колхозе. Он привез немного денег и хлеба, и мы продержались до тепла, а весной опять утиные яйца и воронята и прочие деликатесы.

В 1931 году осенью в нашей местности бродило много лошадей ничьих, хозяева их повыгнали (при коллективизации), а в колхозе своих кормить нечем было, так они и бродили и если б это знать, можно было наделать мяса или прокормить любую лошадь, молодую, ибо бродили всякие, какие хочешь.

Так они за зиму пропали, где какая, а весной 1932 года начался голод.

11.02.1974г.

Я уже на пенсии и снова пишу, свою жизнь описываю, какая она была сорок с лишним лет назад.

Тогда Юзик (так мы его звали) остался с нами и дали ему работу в колхозе – обучать коров пахать, т.е. работать на коровах. Такое вышло постановление. Юзик со Станиславом Скобельским (сосед), дали Юзику в напарники сына бедняка. Выбрали они со стада две коровы дойных и начали приручать, сперва приучили только ярмо носить на шее

коров и ходить в паре на поводке, а потом и телегу прицеплять стали, сперва пустую, а потом стали навоз вывозить со стайки в огород. А дальше больше, и опять не обошлось без неприятностей. Когда объявляли учить коров, то сказали: кто быстрее и лучше обучит, тому премия будет, ну понятно, некоторые кинулись сразу коров запрягать прямо в телегу и ничего не получилось, а на Юзика говорили, что вот кулацкий сын симулирует, не запрягает, а так балуется, но когда на пятый день, Юзик на своих коровах подъехал к конторе на вожжах, то председатель колхоза даже вышел навстречу и пожал ему руку, а премии так и не дали.

Но вот посадили города и отсеялись и настала самая голодная пора, и в это время мы, особенно я и Болеслав, стали опухать у нас ноги, но двигаться за стадом надо. И тут сказали, что нас высылают на Сибирь, Юзика сразу забрали, а мы, как могли, так и собрались. Особенно тетя Юльця, я уже говорил, что она как мать нам была, мы ее никогда не забудем.

Во первых мы зарезали телку, которой уже было два года. Наелись мяса, а остальное зажарили и сушили, два ящика взяли с собой, колхоз выдал нам хлеб, который полагался по трудодням и то благодаря новому председателю (которого прислали с города).

Как нам уезжать, пошел сильный ливень и все дороги размывало.

Я свой кнут подарил своему дружку, Янеку Мышкевичу, он коров, конечно не пас, но надо было что – то оставить на память, а кнут – здесь таких не делают, это плетеное пужало длиной 1,5м, а на него вешается ремешок, тоже 1,2 – 1,5м. Вот и все, пужало плетется с молодого дубка.

Повезли нас на станцию на двух подводах – телегах. На станции к нам присоединили Юзика, и нас стала такая семья: Юзик с 1911г., Целестына с 1919г., Болеслав с 1920г., Лена с 21г., я с 1922г. и Регина с 1928г. И вот мы в вагоне. Нам стали давать хлеб, чего дома мы давно не видели, хотя колхоз нам выдал хлеб, но это только название – хлеб, это

овсяная мука с мякиной и картошкой, но спасибо и за то, с мясом мы ели и наесться не могли, а в вагоне давали пшеничный хлеб.

Вагон наш телячий, как их называли, никогда не закрывался, хотя и стрелки ехали и на станциях охраняли. За всю дорогу нам давали два раза горячий суп и два раза мыли в бане: это в Москве и в Омске. Всю дорогу я сидел в дверях, свесив ноги с вагона, и интересовался всему новому, погода была теплая.

Но вот бабы в вагоне завыли, оказывается с Новосибирска поезд пошел на Кузбасс, и все очень боялись шахты. В вагоне нас было девять семей. Приехали, короче, нас привезли в Осиновку, так назывался рудник или деревня, и толкачем паровоз потолкал нас, и остановился в тупике, это где сейчас торговый склад в стройгородке. Вагоны поставили и стали разгружаться.

Это было 12 июля 1933 года.

Вышли с вагона, кругом горы, поросшие лесом. Бабы давай голосить и прощаться с вагонами, которые с Украины. А украинские бабы голосить и причитать умеют.

Стали нас перевозить на машинах и лошадях. Погрузились мы на машину и повезли по лесу, с правого боку виден лагерь заключенных. Пошел дождь, машина наша забуксовала на подъеме, где сейчас гараж и баня, а тогда в этом месте стояла пекарня и один двухэтажный дом, стандартами такие дома почему-то звали. Машина застряла в грязи, давай брать свои пожитки, понесли пешком, а куда не знаем, идем лесом, перешли мостик, где сейчас пятый магазин, и пошли в гору.

Слева показался лагерь, это были бесконвойные заключенные. А дождь идет, глина размокла, идти очень тяжело, одно то, что мы ж никогда не ходили по горам, а потом, нас везли три недели, и мы отвыкли ходить.

Никто нас не ведет, все люди идут куда-то в гору. И вот Юзик говорит: «Давайте отдохнем».

Сели, мы, т.е. наша семья под куст талины, накрылись, чем

было, прижались друг к другу, а люди бредут мимо нас. Юзик говорит: вы посидите, а я схожу узнаю, где там жилье и, если что, то займу квартиру, а потом за вами приду и пошел.

Вскоре он пришел, и мы пошли дальше. Сидели мы под кустом чуть выше, где сейчас смешанный магазин. Поднялись мы на ровное место и видим два стандарта по левую сторону стоят с крышами, больше - какие без крыш, а какие, только столбы закапывают, а народ собрался, как на базаре шумят. Говорят, тут есть комендант, и он будет сейчас распределять по квартирам.

Комендант поднялся на кучу плах и оттуда кричит: кто с грудными детьми, те в дома, хотя они и без крыш и печек, а остальные – стройте шалаша. Наши семьи, которые ехали в одном вагоне с нами, здесь же стали ставить плахи к стене неоконченного дома и получился шалаш, довольно вместительный, а за нами другие, и так все стали строить кто – что, добро, что стройматериала было целый склад и никто его не караулил – бери и строй.

На другой день комендант снова выступает, что пойдем сейчас отводить, короче нарезать место под землянки, и мужики пошли. Пошел и наш Юзик. Он получил место у речки, как видно у него было практики больше, а другие на горе, а воду таскать. На другой день Юзик, Целестына, Болек и Ленка, пошли рыть землю под землянку, а я и Регина остались караулить добро.

От этой неопределенности и скуки по Родине, хотя там голодно было и неприветливо, а тоска все равно, и я, по своему обыкновению, запел. Пел я сквозь слезы, как было на Украине, когда один оставался в поле в усадьбе Годлевских.

Я хорошо это запомнил, на всю жизнь, как люди заглядывали к нам и глядели на меня, с каким – то укором, но они не знали, что это был крик души. И я не обращал на них внимания, а пел я польские песни, может, кто и не понимал.

Юзик с Болеком построили шалаш возле землянки, и

мы перешли в него жить, и здесь, кто чем мог, и как мог, быстрей строили землянку. Землянка – это бм на бм, разделенная повдоль на две половины, т.е. на две семьи: одному два окна и дверь, и другому тоже. А время голодное, люди строить не хотели, их заставляли, и они не собирались тут жить, а, как показало время, то после землянок еще и дома построили. Каждая семья строила сама, а у кого семья мала, то по две на одну половину. Юзик взял в землянке южную сторону и свою землянку мы строили с охотой, потому что лето было дождливое и в шалаше холодно.

Хлеба стали давать на рабочего на поверхности 800гр., и на иждивении 250гр., а у кого были горняки, то они получали по килограмму и иждивенцы по 400гр. Юзик пошел работать каменщиком, Целестына чернорабочей, Болеслав пошел в Шушталепп на гавань, сидеть на коне и лес таскать с речки (Кондомы), подростки там работали. Лена, я и Регина были без дела, но вскоре и нам работа нашлась – стали мы с Леной по ягоды ходить, добро хоть ягод было много. В основном мы ходили за малиной, принесем, и тут же несем продавать, а на эти деньги хлеб и картошку покупаем. А как мы ходили до Калтана, то страшно – все лес, а за Калтаном еще где то была пасека, после горелая гора – вот там и малина росла. Редко чьи дети ходили по ягоды, одни были вроде богаче, другие наоборот – лучше с голоду умрет, а не идет. Утром Юзик будит, даст нам с Леной по кусочку хлеба, и пошли, так сами кормились и всех поддерживали.

Регина оставалась в землянке одна, ей было 7 лет. Здесь свирепствовала дизентерия, и мы все ею болели. Нельзя пить сырую воду, а только кипяченую. Регина вскоре умерла и написали письмо в Томск. Мать прочитала – и у нее сердце не выдержало, она сразу умерла. Отец взял перевод к нам, приехал осенью 1933 года и стал работать печником. Не знаю, как бы мы перезимовали, если бы не мерзлая картошка. У железной дороги под откос вывалили картошку, и она замерзла, вот ее сначала продавали по

дешевке, а потом и так стали брать. Придешь с топором и лопатой, снег откидаешь и начинаешь выкапывать. Этим делом занимался Болеслав. На зиму он пришел домой с гавани.

Весной посадили картошку, раскопали целик, кусты и деревья возле землянки раскорчевали и тоже посадили картошку. Уродилась картошка хорошая, но ее мало – семян не было.

Зима 1934 года была веселей, но не досыта питались.

В 1935 году отменили карточки, и весной отец нанялся пасти коров в Соцгороде, и сейчас там стоят те 12 брусчатых двухэтажных домов (возле главной почты). Я пошел с ним в подпаски и жизнь сразу стала сытой, хотя и трудной. (Как я бросил курить: пасем коров, сели, отец закурил. Я достал свой кисет и тоже. Отец молча взял бич и отодрал меня – с тех пор я не курю).

Все лето домой не ходили, а квартиры тоже не было, а жили мы на стайке, сена там не было, и за эту (квартиру), мы пасли корову бесплатно. А пастушья жизнь известна – вся природа твоя, и солнце, и дождь и ветер, хотя работа денежная. Вымокнешь, а сушиться негде, вот и ложимся друг к другу спиной и вся сушка, а утром снова вставать и снова под дождь, а о плащах никто и не знал.

Деньги выдавал нам уполномоченный только на еду, а остальные ложил в сберкассу, на случай, если с коровой, что случится, чтобы было чем возместить. А осенью по окончании пасьбы, деньги отдали, и получилось, что мы с отцом заработали на корову и сразу купили, хотя сена не было.

Весной 1936 года снова пошли пасти туда же, и жизнь уже веселая – у нас была квартира.

И вот настал 1937 год.

Иосиф работал каменщиком и Болеслава взял к себе работать. Целестина работала дояркой на подсобном или, как его называли пригородном хозяйстве. Ленка была за хозяйку, а, я с отцом, нанялись пасти коров на Елбани, т.е. дома.

Это было лето самое веселое, какое будет помнить Горная Шория. Люди разжились, поодевались, сытые. После голодных стольких лет. Поселок красивый, землянки поштукатурили снаружи, побелили, обсадили: черемухой, березой – кто чем, и похоже стало на курортный городок. Хлопцы украинские и девчата поют, аж гай шумит, тайга улыбается, слушая «огурочки», да про казака и вербу рясну. А, саратовские, со своей гармошкой с колокольцами, да частушками, да пляской подгорной, да с табарком, да волжским страданием! Соберется компания, девки, ребята, да как пройдут по улице, да как урежут песню, кажется тайга разлягается! Хотя и были трудности, но за весельем их не замечали. И песни пелись в трезвом виде, тогда и понятия не было, что бы кто то пьяный вышел на улицу. Песня истосковавшаяся разлилась во всю ширь – больше Горной Шории не слышать такого общего веселья, и таких сильных голосов!

Под осень начали кое - кого забирать. Началось черное, страшное время. Веселое время кончилось, песни замолкли.

Когда нас привезли сюда, не зная русского языка, и пошел в первый класс, и в 1937 году осенью, я пошел в 5 класс, а школа 22-я была, где сейчас детсад у шоссе, как поворачивать на Елбань, там и сейчас растут большие тополя, мы их садили в 1939 году.

26.12.1979г.

Учились мы во вторую смену. Однажды забежали девчонки с перемены и кричат: пошли машины на Елбань. Мы все похватали книги в сумки и домой, а дома крик – Болеслава и отца уже забрали, а Иосифа тоже спрашивали, он учился в вечерней школе в шестом классе. Целестына послала меня к нему в школу, которая находилась в Осиновке, где сейчас пожарная расположена. Я прибежал туда, а его нет, сказали, что их класс отдыхает, и я пришел домой ни с чем. Утром побежал на место работы, увидел его, очень об-

радовался. Он говорит: «Что случилось, почему я пришел»? Я ему рассказал, что забрали отца и Болесю. Он заплакал и говорит: «Подожди меня здесь», а сам побежал. Он в последнее время нашел себе квартиру, и если задерживался на учебе, то домой не приходил. Принес чемодан и послал меня домой и сказал: если его не заберут, то он придет домой. Он больше не пришел.

Остались мы втроем: Целестына, Галена и я. Целестына работала, а мы учились. Учеба была так: утром встанешь, нужно ехать за углем на отвал породы, привезешь, натопишь, уроки выполнишь, и в школу после обеда.

В начале 1938 года вроде немного успокоилось и Целестына выходит замуж за Дедуся Родиона Моисеевича. Остались мы с Ленкой. У нас была корова и поросенок. Сено тоже было заготовлено, даже лишнее. Картошки очень много, ведь семья у нас была все взрослые и дружные. Целестына все за нами следила и деньги давала на хлеб. Весной посадили картошку, стали продавать молоко и так жить. Летом 1938 года Родион купил лошадь пополам с соседом, а я стал главным возчиком. И начал мне показывать тайгу и как в ней себя вести. Он, Родион, родился в семье лесничего, вырос в лесу и тайгу любит до дури.

Сено косили на Тетемзе. Прodeлали туда дорогу сами. Туда была только шорская тропа, хотя она и конная. Шорец – охотник он имеет определенную гриву, и кроме него, туда никто не должен заходить, у него там шалаш летний. Он сел на телегу, коня направил и лежит, а конь идет тропой, почва в тайге жидкая, колеса прорезают и тонут по оси, лошадь тянет со всей силы, шорцу дела нет, он сидит на телеге – едет кротов ловить.

Вечерами летними ребята, такие, как и я, безотцовские, собирались у нас на стайке и веселились как могли. Жизнь наша была очень тяжелая, у каждого была тележка или тачка – это две ручки и одно колесо, положишь мешок картошки или дров и толкай на гору. Мы любили очень читать книги и после их обсуждали, лежа на сене. (А когда было

голодно, то обсуждали, а какой суп ест Сталин – наверное, золотой...)

Потом как-то решили, когда вырастем, обязательно напишем книгу о себе и нашем времени.

Мы старались быть выносливыми, и один раз даже во время грозы поехали за дровами, хотя при каждом ударе молнии мы подпрыгивали, но не вернулись домой. Так проходила моя юношеская жизнь. Среди ребят, как всегда, есть и веселые, и грустные.

Вот эти ребята:

Ростик Паламарчук - веселый;

Шмагай Дмитрий - старик (дразнили);

Собко Петро - стегал себя по голой спине прутом – закалял характер;

Дикарев Иван;

Алексенко Дмитрий - был разведчиком в армии, приехал в 1945 году;

Кураковский Иван - стал военным;

Кобылинский Иван - меньше всех;

(У отца было прозвище - энергичный).

Прошла зима 1938 года, настала весна и опять лопаты в руки и садить картошку – основной продукт того времени, потому что хлеб, хотя и был вольно в продаже, но его взять было очень трудно.

Придя со школы, поев, и идем на Девятую занимать очередь за хлебом на завтра, всю ночь колотимся у магазина, а мороз, а обувка портянки да сверху чуни, вот и пляшешь. Иногда пойдём в мойку греться, а в это время придет какойнибудь горлохват, очередь перевернут, мы придем – новая очередь, занимаем снова, так и до утра, а утром удастся взять хлеб, то хорошо, а то и пойдём ни с чем до дому. На одни руки давали два килограмма, вот такой был хлеб того времени.

Осенью 1939 года я не пошел в школу, ибо учиться было не зачем, хотя Дедуси и давали нам немного на хлеб, но этого мало и неудобно.

На каждой шахте был свой конный двор, там были кони рабочие и выездные.

Начальник шахты имел пару;

Главный инженер тоже пару;

Главный механик и парторг, и все начальство имели каждый прикрепленную за собой лошадь с кучером. Вот этот кучер должен был кормить и поить свою лошадь, и все время находиться при ней, т.е. на конном дворе, там была изба кучерская, где были нары и там отдыхали. Если начальнику или его жене, нужно в магазин, она звонит кучеру, он запрягает, подъезжает до дома и везет ее в магазин. С магазина домой, вот такая была работа, где работали наши мальчишки. Я посмотрел и мне не понравилось, хотя я люблю лошадей, чтобы какая - то на меня кричала, что опоздал или сани не вычищены.

Я поступил на курсы электрослесарей при девятой шахте. После школьных многих предметов, здесь мне было очень легко и я окончил их на отлично (через 6 месяцев).

При окончании курсов нас повели в шахту Девятую на экскурсию, а у них уже был уклон, и мне очень не понравилось, и я пошел на Десятую штольню, она более меня привлекала. Мы ездили за углем на отвал и иногда входили в штольню поглядеть, вот и мне нравилась Десятая штольня. Приняли меня учеником слесаря на подготовительный участок.

Добычных было пять, и шестой был подготовительный. 29 февраля 1940 года, я вышел первую смену в шахту, я был прикреплен к слесарю Селиванову. И работа сразу мне не понравилась: ходим, где гайку подвернем, где подчистим (да еще и сумку его носи), я же привык работать энергично, и я попросился на тяжелую работу – чистить печки, т.е. забойщики идут мелкие нарезки 1,5х1,5м. Его дело откидать уголь от забоя и закрепить, а мы должны его перелопачивать аж в вагон. Работа тяжелая и низкооплачиваемая, но зато веселая, нас было: две девченки и я.

И здесь встретился мне забойщик Иван Иванович Симачев

– это отчаянный врун и рассказчик всяких историй, которые, обычно, интересны и оканчивались смешно. Где бы он ни появился – вокруг него собирался кружок слушателей – он врал мастерски. Вот он мне понравился своим веселым нравом и безграничной фантазией. Я стал как то к нему вежливее: то лес ему подам, то затыжки, то глину поднесу. Он стал звать меня – сынок. «Сынок принеси или подай», и я старался с охотой. Вот однажды начальник участка мне говорит: «Почему ты Симачеву прислуживаешь, лес подавать и все такое – это его дело и платят ему, а не тебе». Я сказал, что знаю, а помогаю потому, что он мне нравится. Начальник сказал: «Ну смотри, я то думал, что он тебя заставляет».

Раньше забой после отпалки проветривался вентилятором – шуму много, а толку мало. И однажды, во время проветривания, все вышли на свежую струю – это проходчики, которые гонят основной штрек, мы подсобные, и, конечно, Иван Иванович врет. Вот и подходит пом начальника Гречко – мужик рослый, здоровый хохол: что у вас так весело? А Иван Иванович соврал: да, говорит, вот с сынка смеемся, посмотри, как он ободрался, а я правда, получал спец. комбинезон милистиновый и пока я ходил со слесарем, то ничего, а как стал лазить на коленках по печам да просекам, мой комбинезон разлезся по ленточкам и его правильно одеть – нужно большое искусство. «На тебе брюки брезентовые» – говорит И. Иванович Гречке, «Вотними и отдай сынку», все кругом поддержали. Смотрю, Гречко снимает брезентовые брюки: «На, носи, да после работы зайдешь в кабинет, я тебе выпишу всю спецуру новую, парень ты хороший и толк с тебя будет». Я говорю: «Спец я недавно получал и мне никто не оформит новый». «Не твое дело, я сам схожу и оформлю».

Так получил я новый спец., но недолго я работал у них. Дело в том, что на шахте уже появились электровозы. От забоев и из под лав вывозили уголь коногоны на лошадях, а по главной магистрали до по-

верхности – электровозы. Электровоз цепляет 30 вагонов однотонных, а на заднем вагоне сидел кондуктор, обычно пацан. Вот я и хотел в кондукторы. Сиди на заднем вагоне и весело, потому, что на транспорте была молодежь, а про отчаянных коногон и говорить нечего. Коногон очень гордился своим конем и в выходной он берет своего коня и идет с ним гулять, купит ему две булки хлеба, покормит и идет, ляжет на лужайке, а конь пасется возле него. Коногоны, большинство, были заключенные, только они расконвоированные.

Так и я хотел стать кондуктором. Проработал я три месяца, и все время спрашивал:

«Нет ли места кондуктора». С 1 июня место освободилось, и я пришел к своему начальнику, чтобы дал перевод на транспорт, а он и слушать не хочет: я из тебя хочу забойщика сделать, а ты в кондуктора, но я его не послушал, и на работу не пошел, стал рассчитывать.

Тут лето подошло 1940 года, и летом я с Дедусем все по тайге шастали. Лошади у него уже не было, потому что в 1939 году лошадей всех заставили сдать и снова все на себе таскать.

Дедусь, Горбарчук и Кравчук договорились с Калтанским лесником – косить сено на речке выше Калтанчика с третьей копны, т.е. нам по одной, а ему три копны. Вот и скосили всю речку и кочки, когда разделили, стали возить домой, каждый свое.

А возили так: взяли тележку, бастрик, впрягаемся – я в оглоблях, Целестына с одного боку, а Дедусева Надя с другого и пошли. Три раза в день – это у нас была норма. На гору дернем – отдохнем, и дальше тянем, а с горы, только держись. Так и перевезли все сено.

А жили я с Ленкой в землянке. Она вся сгнила, и крысы ее подточили. Вот Родион говорит: готовь лес, построим тебе избу.

И начали готовить лес – пошли, навалили пихты, ошкурили. Родион сделал вороток, поставили на горе напротив Кал-

танчика, чуть выше шестого ствола. Размотали (расплели) канат, связали жилы, и я позвал ребят – пошли вытаскивать бревна из леса на дорогу. Привяжет за вершину хлыста Родион и кричит: «Тяни» – мы по двое ходим по кругу, вороток наматывает жилу и лесина ползет из оврага на дорогу, по-вытаскивали, а потом измерили, разрезали, и я с пацанами начал возить. Я себе везу бревно, а хлопцы - ложат себе дрова. Тележки две: одна спереди,

другая сзади. Вытащим на гору (это выше кладбища), рубаем большую ветку талины, привязываем для тормоза, и пошли с горы. Я в оглоблях, тележки все набирают скорость. Я прыгаю, метров по двадцать меня несет по воздуху, а когда уже не в силах править, я кричу - хлопцы прыгают на тормозную ветку и сбавляют скорость, потом снова садятся на тележки и я снова бегу.

Так мы возили длинный лес. К осени я натаскал лесу много и стали строить избушку. Построили 3 метра на 5м и два метра сени. В лесу поставили козлы для пиления бревен по вдоль, т.е. на брусья. Я залажу на верх, а Родион снизу – так и напилили на дом и на погреб.

В доме под полом срубили сруб с бруса, хороший получился подвал, но мы не знали, что нужно было сделать отдушины, и за два года бревна сгнили, грибок съел, пришлось засыпать яму землей.

Когда перешли в новую избу с Ленкой, то с нами перешла и Бронислава Филинская с двумя детьми – Толиком и Петей. Ей зимовать негде было, потому что половину землянки мы отняли, а в ихней было холодно.

Осенью по снегу, я начал заготавливать уголь, возить с отвала. Поеду утром, еще темно, начинает рассвет, и на ощупь уже собираем уголь. Наберу 11 ведер в мешок, зашью проволокой, положу на санки и потянул домой. Приеду, покушаю и опять за углем. И так три мешка в день – это была норма, и к декабрю я навозил первоклассного угля полные сени.

В декабре 1940 года я снова пошел на шахту оформляться,

теперь лесогоном в лаву, там работали наши ребята: Коекин, Оздобкин, Ленка Вильцер и меня сманили к себе на пятый участок. Начальник - Перебейнос Макар Харитонович (хороший мужик). Оформился я и послали меня в другую смену.

Пришел на работу в третью смену 14 декабря 1940 года. Люди все незнакомые, и послали меня на лес с китайцем Ваней. Этот китаец перешел границу из Китая к нам. У него были свои привычки и свой характер. Если кто скажет: «Ходя соли нада» - он кидается драться. И бывало, если делать нечего, и он в хорошем настроении, я скажу: «Ваня, ты не сердись, тебя спросить можно»? Он говорит: «Спрашивай». Ты только не сердись и объясни, что значит: «соли нада»? Он сразу делается диким. «Ваня, я тебя спросил и ты говорил, что не будешь сердиться». Он посмотрит зло, а потом говорит: «Нехорошее слово и больше не спрашивай». Лес подавали мы снизу вверх, что бывает очень редко в шахте. На поверхности брали стойки 1,8м, горбыль 3м и затяжки (тес порезан на 1,2м). Это все грузили в вагоны и везли под лаву, а там поднимали в лаву, длина которой была 120м. Если снизу берут (уголь), то хорошо, если сверху, то очень тяжело, ибо весь лес надо подать на самую высоту (на всю длину лавы).

Бригадир был у нас Ганасюк и его напарник Анатолий Кокарев. Оба отбыли по десять лет в лагере и вели себя независимо. Я как то сразу привязался к Кокареву. Это был человек очень веселого нрава, бесшабашный, он очень хорошо играл на гитаре блатные песни, и вообще, все молодые как-то к нему липли. Он очень был беззаботный, он мог получить получку и тут же ее раздать, не заботясь о завтрашнем дне, и потому был всегда без денег, и, как все блатные, голодный. Он был высокого роста, красивого телосложения. Одевался просто, я не видел на нем костюма, он носил шаровары на резинках, необъятной ширины и майка безрукавка, на плечах тужурочка, вот и вся одежда, что зимой, то и летом.

Я у него много научился: во первых – никогда не стесняться в любом обществе (вот зайди сейчас к начальнику шахты и задай ему вопрос). Он говорил: все люди и стесняться нельзя, даже при начальстве, смотри прямо на жизнь, веди себя достойно. Отец его был в Москве генералом, и когда он сидел в лагере, он приезжал к нему. Анатолий Макарович Кокарев был очень смелый в шахте, и его предупреждали старые горняки, чтобы был осторожнее, но он говорил: я сквозь породу выскочу, но не выскочил. В конце августа 1941 года он погиб при посадке лавы. Они с Ганасюком сажали лаву и лава пошла на самосад, т.е. лаву начали снизу садить, вырубает стойки и порода валится, а здесь получилось, начали садить, а лава стала сама садиться. Они стали убегать, как положено, вверх. Ганасюк бежал по над забоем, а Кокарев бежал по завалу и их обоих накрыло. При посадке присутствовал пом. начальника Мальцев, когда лава села, Ганасюка он сразу достал, выбив стойки, а Кокарев был далеко в завале, и его достали на вторые сутки, так и кончилась жизнь, веселая и красивая. Потеряв Кокарева, как то в бригаде стало скучно.

Десятник у нас был Гаврилов Никита, такой мужик без юмора и крепостник, как его звали, не дописать, обсчитать или, где можно, везде он нас лесогонов притеснял и такого человека всегда в бригаде не любят.

А тут уже шла война и стали работать по 12 часов, вместо 8 часов, а так как на участке было три бригады, то нас слили с бригадой Гриценко Федора Леонтьевича, и десятник Милешкин Егор Трифионович. В этой бригаде атмосфера была какая то домашняя, дружелюбная. На наряде никто не ругался, все как то смешками, друг друга называли по именам. Мне очень понравился этот климат. Здесь работали лесогоны: Коекин, Ознобкин, Вильцер, и они работали вовсе не так, как мы. Они давали леса сколько нужно своей смене и все, а мы давали всегда много лишнего, а платили нам меньше. И когда я поработал с ними – понял, как нужно работать, а работать я люблю и Гриценко взял меня к себе

в бригаду.

11.01.1980г.

В бригаде было три отбойщика, это кто дает уголь, бригадир и два отбойщика, если один отдыхает, то двое работают. Работа у них такая: забурить электросверлом забой, запальщик отпалит и закрепить забой. Вот в крепление было все дело, кто мог хорошо крепить, тот и больше угля давал, а раз уголь, то и цена рабочего.

19.01.1980г.

Когда мы работали первую зиму, т.е. 1941 год, то лес стали возить нам в конце зимы на шурф. Стало работать легко, но много стало неприятностей. Лес занесет снегом, а вылезешь за ним из теплой лавы, и пока набираешь лес, весь в снегу вывоозишься, а потом спустишься в лаву, снег растает и одежда на тебе мокрая. Потом снова пойдешь за лесом – на тебе все замерзнет, а рукавиц нет – вот и пляшешь бегом, и я так намерзся, что после, через много лет, ребята уходили на новые шахты, дескать свежий воздух и все такое. Но я вспомню первую зиму, и не хочу и думать о новой шахте.

Проработал до лета, и посадили с Ленкой картошку, но меньше, чем всегда, дескать, мы работаем, и нам много картошки не нужно. Продукты будем брать в магазине (но очень ошиблись). С начала лета я заказал в мастерской себе костюм и 15 июня я уже его надел, стоил он 230 рублей.

Я отдыхал по воскресеньям, и 22 июня 1941 года, как всегда здесь было заведено, пошли с друзьями на базар в город. Там встречались с молодежью, грызли семечки, фотографировались, заводили знакомство, а про выпивку никто и не помышлял. И вот сходили на базар, и идем уже домой, прошли Девятую шахту, подходим до Елбани и встречается один хлопец, и говорит, что слышал, началась война.

На завтра, т.е. 23-го, всех свободных от работы повезли в город на общегородской митинг в парк, где многие выступали и давали обещания: кто бить врага, кто работать на совесть.

Я, конечно, работал очень хорошо, все время был стахановцем, и вообще я люблю работать честно и без нажима сверху. Наверное, поэтому и на фронт не отпустили. На фронт брали шахтеров, но если начальник участка не отпустит, то и военкомат не берет, а через год шахтеров совсем не стали брать на фронт, даже с фронта возвращали. Работать сразу стали по 12 часов и без выходных. Под осень хлеб стал по карточкам.

Один кг на день на рабочего – горняка. Сначала все вроде шло ничего, а когда весной 1942 года картошку посадили, и на еду у нас с Леной почти ничего не осталось. Вот так надеяться на магазин, стал я ходить в столовую. А кормили нас так: суп рассольник, в котором плавает один огурец и дно видать в чашке, и в лучшем случае «затируха», т.е. мука разболтана в воде. Были такие глиняные чашечки, ложек не надо было – выпил через край с хлебом и пошел. Утром 400 грамм, а в обед и ужин по 300 грамм. Съешь этот обед и есть еще хуже хочется, а работать стало тяжелей.

То мы работали на гласту мощностью 1,8м, а перешли на 3,5м, а лес шел 4 метра, и такую лесину поднять и тащить волоком – это нужно надуться.

Лесогонов стало 8 человек. Это были ребята, снятые с фронта за ненадежностью, с Западной Украины и Белоруссии, и попался, тоже из этих ребят цыган Мишка Решетников.

Я был бригадиром над ними и работали на совесть, ведь своевременно подать лес в лаву – это и уголь, и план и слава, а когда хвалят, то и веселей живется. Лес подадим, бригадир Гриценко скажет: «Нука, космачи, спойте» - а мы на цыгана. Когда цыган веселый? – когда жрать хочет, «А ты, что не хочешь жрать»? Эх, Миша, скинет аккумулятор, фуфайку, а мы уже приготовили две

досточки – как пойдет наш цыган плясать и по своему петь, а мы в ладоши бьем, да подыгрываем, и то правда – забудешь, что жрать охото. Или сами станем в кружок, да врежем украинскую песню, аж лава «заулыбается», или на наряде в комбинате как гаркнем, аж гай шумит.

Наш участок на шахте, и особенно бригада Гриценко, всегда в передовых ходила, и когда открыли стахановский магазин, то в первый месяц, там было 26 стахановцев со всего треста, из них 23 человека с бригады нашей, т.е. Гриценко.

Хотя работали тяжело, но не унывали. Бывало, придем на танцы, а одежда то какая – чуни на ногах да фуфайка. Цыган Мишка, увидит у кого хорошие сапоги, кто выменял на картошку, кто с фронта привез. Вот Мишка говорит мне: «Попроси сапог, я спляшу». Я ребят всех знал, да и меня знали. Даст парень сапоги – цыган оденет, а я закажу, что он просит. Как пойдет наш цыган отбивать, ох лихо плясал и песни пел под гитару. Хотя работать он и не мог, но мы его держали для веселья. И никогда не поверил бы, если бы сам не видал, что этот здоровый, представительный парень так может плакать, как ребенок в трудное время.

Лес тяжелый, лава «принимает», что это, а это когда воздух в лаву идет прямо с гор, т.е. вниз, а не вверх, как положено. Воздух должен идти по шахте, в лаву и на гора, а если сильный мороз, то давление поворачивает струю в обратную сторону и мороз через шурф прямо в лаву, а мы работаем прямо под шурфом и вся струя на нас, а одежда рваная и без рукавиц (лес мерзлый).

Вот тут и видно человека, с чего он сделан и что стоит, вот тут цыган замерзнет и плачет, как ребенок.

Жизнь наша была невеселая, хотя мы и пели, ибо на другое не имели права. После 1937 года, я понял, что меня могут забрать в любое время, как забрали отца и братьев без суда и следствия, и потому нисколько не заботился ни о чем, кроме работы, а работу я любил, и на работу шел с

настроением и охотой.

Все люди в нашем городе были разграничены на касты: об особых нечего говорить – первые и доверенные; затем вольные (сами приехали); за ними – вышедшие из заключения; потом мы – спецпереселенцы; после в войну привезли немцев с Поволжья; финнов и прочих западников, снятых с фронта. В 1945 году привезли власовцев, в 1947 году – бендеровцев, последних в 1949 году привезли паразитов – это, кто не выработал положенное количество трудодней в колхозе. И не знаю, сколько было бы еще этого отличия, если бы не умер сталин.

В 1943 году, в феврале, меня взял в лаву бригадир Гриценко Федор Леонтьевич к себе учеником. За месяц я научился хорошо работать и стал напарником у него.

В бригаде была поставлена такая расстановка: бригадир и два отбойщика – наше дело забурить забой, запальщик отпалит, разобрать, обобрать кайлом и закрепить. Потом есть навалыщики – их дело убрать уголь из забоя лопатами на рештаки и в вагон. Навалыщиков бывает 6-7 человек. В войну в основном женщины, наваливали уголь и работа эта для меня самая тяжелая, и я лопатой не работал. За навалыщиками – лесогоны, их дело подать лес, обеспечить лесом бригаду. Мотористки, смотря сколько моторов на участке, столько и мотористов и один электрослесарь. Люковой, который грузит уголь в вагон, десятник, крепильщик и сумконос, который посыпает выработку инертной пылью, чтобы прикрыть угольную пыль, при взрыве, чтобы она не взорвалась. В конце 1942 года стали работать по 10 часов, а в 1943 году по 8 часов, но без выходных и целый месяц без пересменка, т.е. если попадешь работать с утра, то свету не видишь целый месяц, ибо идешь утром – темно, и выходишь с шахты – уже темно.

И я любил, и люблю лучше всех смену в ночь, хотя и не охото вечером вставать и идти на работу, но зато утром идешь бодрый, ни с одной смены не идешь таким бодрым. У меня строгий был режим дня в ноч-

ную смену. Придя с работы где-то в 10 – пол одиннадцатого утра – поел и спать. Сплю до первого просыпу, где то в 1 час дня, не позже 2 часов дня и встаю, занимаюсь, чем нужно до 6 часов вечера. В 6 часов ложусь спать до пол десятого вечера. Встал, поел и в десять уже пошел на наряд, и мне вполне хватало этого времени на сон, и днем я всегда был свободен.

Дома копать огород или садить или косить – я никогда не работал больше двух часов, но работал энергично, и сейчас такой у меня принцип, ибо после двух часов энергичной работы устаю, а на поле не ляжешь и не отдохнешь. Так лучше поработал от души и иди отдыхать домой, пользы больше, чем целый день там маяться. Иной копнет 5 раз лопатой и стоит, только время убивает, а дела нет.

В 1943 году с начала года, Лена сестра, пошла в баптисты и мы с ней разошлись во мнениях, и она меня оставила. Взяла квартиру и мне пришлось пережить очень невеселое время.

Хотя унывать и некогда было, придешь с работы – в избе вода замерзнет, сразу растоплю, пол помою. А бывало, придем и с ребятами наварим картошки (ребята с работы). Особенно цыган Мишка, хотя я работал уже в лаве, ребята - лесогоны, так со мной и дружили. Сварим картошки, а хлопцы (хлеб в столовой не едим, а принесем ко мне), и наедемся, придут наши девки-горнячки, и пойдет пляска цыгана. И песни пели: «ихав козак на вийноньку», особенно «Синий платочек», «Огонек», «Давай закурим по одной» и многих других военных лет, очень душевных и справедливых. Цыган очень играл на гитаре, впрочем, вели себя, как все молодые люди. А когда все уйдут, я ложусь спать прямо на кровать, сбитую из досок мной самим, не раздеваясь и не укрываясь, потому что будить некому, кроме холода, и он будит исправно.

Проснешься в пять утра, зуб на зуб не попадает, но раздумывать некогда, умылся, побегал по хате, разогрелся и бегом на шахту, в столовую, там выпил свою чашечку

затирухи и 300 гр. хлеба и бегом на наряд, а там в лаву и с песней за работу, потому что я как то не мог не петь, хотя и много было причин для грусти.

И вот стала подходить весна 1943 года. Приходит как то Целестына с Родионом и спрашивают: «Как дальше думаешь жить? Не думаешь жениться»? Я, признаться, об этом не задумывался, еды мне хватало, ибо на шахте стали давать стахановские талоны. На талон давали 100 гр. хлеба, 50 гр. сала и 5 гр. сахара каждый день, если выполнишь норму на 120%, а мы выполняли не ниже 150%, а было, и за 200% переваливали. Так что о женитьбе я и не задумывался, и такой вопрос застал меня врасплох, хотя я и дружил с девченками. Целестына говорит: «Есть хороша девка, сирота, работающая и все такое». Я говорю: «Где вы ее нашли»? Они смеются и говорят: «Мария Чабан» – я, конечно, удивился, я ее знал, хотя только, как всех, и что она работает в шахте на первом участке мотористкой. «Приходи до нас в воскресенье». Я пришел. Они позвали Марию, она жила рядом. Договорились и решили сыграть или сделать маленькую свадьбу 25 апреля 1943 года.

На шахте в то время начали давать водку за сверхплановую добычу, я водкой никогда не интересовался. Если получали на бригаду, то отдавал кому нибудь, не знал, что она мне понадобится. Пошли мы с Гриценко к Кожевину Григорию Владимировичу просить водки на свадьбу. Он говорит, что водку ему дают за уголь и за литр водки, он должен отдать 10 тонн угля, а на свадьбу водка будет после войны.

Короче договорились, что уголь отдадим по две тонны за сто грамм, он засмеялся и дал талонов на 1,5 литра, да я купил литр на картошку, да у Чабанов была литра – вот и вся свадьба. Хотя по тем временам, она прошла на высоте, ибо свадьбы из наших ребят никто не делал, и про них уже забыли. Я пригласил начальника участка Милешкина Егора Трифионовича (мой бывший десятник), Гриценко Федор Леонтьевич и Чепель Харитон Гаврилович. Он был у нас

на участке электрослесарем и лихо играл на гармошке, и конечно цыган Мишка. Целестына с Ленкой напекли драников ведро, да картошки нажарили, да киселя наварили, капуста и огурцы, вот и все, чего еще надо в такое время. Весна была очень ранняя в этом году и я посадил все свои огороды картошкой – 18 ведер.

Воскресенье, погода выдалась очень теплая. Чепель играл, цыган был, конечно, за главного заводилу и пляски.

После стали жить и работать, как и все. На сверхплановую добычу стали давать хорошие отрезы на костюм, и шелк, и бостон и кастор, не считая хлопчатки. Конечно, вначале получил хороший отрез бригадир, а мне шелк, а после и мне достался отрез на костюм бостоновый, тогда очень в моде.

Было так, особенно в последнюю декаду месяца, дается разнарядка на бригаду – дать 100 тонн или 50 тонн, смотря у кого какой план, если выполните - получите: один отрез бостона или кастор, два отреза на платье шелка, одни сапоги или ботинки и 50м. или 100м. хлопчатки. Вот мы и ждем, а пласт у нас был хороший «6-й Елбанский», не считались со временем и усталостью.

Всего не описать, как жизнь шла, и как работа. Работали не за деньги и там за отрезы, а за совесть, ибо нужно было работать, жизнь становилась все веселей, немца уже били где то далеко на западе, и нам стали давать выходные.

Помню, мы ходили в первую смену с 8 часов утра. Как обычно пришли, верней прибежали, сверло в руки и бурить забой, запальщик палит, верней бригадир с девками заряжает, а после запальщик палит. Мы отпалили уже почти всю лаву, когда десятник кричит: «Прекрати палить», чего никогда не было, в чем дело? «Пошли на гора, война кончилась». Мы кто в чем был, обычно в одних рубашках, не стали одеваться и побежали на гора.

На горах все поздравляют друг друга, народу возле шахты полно.

Тут появилась водка в продаже, хотя ею не интересовался,

но выпил за Победу стакан и пошли домой.

Погода была очень хорошая 9 мая 1945 года, и, кажется, солнце и то ясней светит.

Так прожили мы с Марией без особых изменений, она из шахты вышла, стала работать в ламповой на поверхности и дома находится больше.

Летом 1946 года пошли на базар. Смотрим толпа, что - то окружила. Я протолкался – стоит, я думал мотоцикл, хотя я никогда его не видел, только слышал, оказалось велосипед немецкий. Весь сияет, большая фара, ручной тормоз, сзади сидения багажник, резина широкая красная, но колеса размером меньше, чем у наших великов – короче красавец. На крыльях, покрытых никелем – красная полоса, на переднем крыле глобус и стрела вперед. После наших топорных великов – красавец. Я спросил: «Что стоит»? Фронтвик с улыбкой отвечает: «8 тысяч рублей». Отдал он мне за 6700 рублей, я взял в руки, а вести не умею, я сроду не держал велика в руках, хотя на Елбани до войны и было два велика, только я видел их из далека.

Подошел Генка Чупин тоже фронтвик и говорит: «Дай проехать?» - «А ты умеешь»? Я знал, что до войны он был такой серый, как и я. Говорит: «Я пол Европы на велике прошел», все засмеялись и Гена поехал. Вернулся и говорит: «Очень легкая машина на ходу и удобная». Повел я его домой. Подвернется как то переднее колесо и я падаю через него, так раз пять упал, пока довел. На Елбани сбегалось много народа, что за чудо, и я стал учиться ездить. Сяду на багажник и еду с горы, покатался пол дня и ничего не получается, а на сидение боюсь садиться – ноги не достают до земли. «Пока на сидение не сядешь – ездить не будешь» - сказал один мужик, так и получилось.

Научился кататься и дома усидеть уже не мог. Приду с работы в два, три часа ночи, беру велик и поехал кататься, динамка хорошо работала, свет как от автомобиля. Приятно ехать ночью, прохладно, и хотя с лавы вылезешь, еле ноги тянешь, а помылся, поел, сел на велик и все, кажется

не работал.

Пришел с фронта Костюк Соловей и говорит, что может играть на аккордионе. Я решил купить аккордион, хотя у нас в городе их не было.

С 1 ноября 1946 года я пошел в отпуск второй раз. Первый отпуск я отгулял в январе 1946 года, и решил съездить до сестры Марии. Она была выслана и жила в Казахстане. Договорились с Костюком, что он поедет со мной до Новосибирска и купит аккордион. В Новосибирске он слез, я дал ему пять тысяч рублей, а я поехал в Казахстан до Марии. Приехал я на станцию Шартанды, как ехать в поселок, если 50 км голой степи? Говорят, иди на элеватор, там должны быть машины с их него колхоза. Пришел, спросил, нет ли машины с их края, есть, но она идет только до района, а там еще 30 км. до поселка. Время под вечер, я решаю ехать этой машиной. Вот тут я узнал, что значит Казахская степь.

Это некошенная равнина без кустика и бугорка, трава притрушенная снегом, и по ней машина идет в любом направлении. Направь машину в нужном направлении, закрепи руль и ложись спать шофер, не нужно сворачивать и объезжать, все как на столе.

Так вот пришел я на элеватор. Пока машина разгружалась, я познакомился с девками, которые лопатами отгребали пшеницу. Дайте ка попробовать, как пшеницу шаманать. Они дали мне лопату и я стал кидать по шахтерски и после угля, очень легко показалось, то одной помогу, то другой, стал спрашивать, кто за меня замуж пойдет и прочее.

Когда сказали, что машина разгрузилась, и я побежал садиться на машину. Подбегает девченка и зовет меня: «Где ты будешь ночевать в районе»? «Наверное под забором». Она засмеялась и сказала, что заборов здесь нет в Казахстане, а вот тебе адрес, там тебя примут, оказалось, что ее тетка там жила. Меня приняли хорошо, переночевал на перине, у нас дома такой постели еще не было.

Сели в машину, шофер подрулил в степь и машина

встала, он видать был опытным – снял с задней оси по колесу, и машина пошла. Переднее колесо продавливает, а заднее уже идет по твердому. Утром вышел на улицу, идет поземка, но до поселка было 8 км., и я смело пошел, а когда стал проходить поселок, до Марии оставалось 20 км. На окраине поселка стал спрашивать про дорогу дальше, мне отвечали как то недружелюбно, это был поселок черкесов, высланных с Кавказа.

Пошел по дороге. Она прямая, как стрела и кругом ни кустика, ни деревца, только трава некошенная и припорошенная снегом. Метет слабенькая метель, дорогу видно хорошо, только жутко, ибо читал про здешние метели и бураны, и про волков, и как то жутко одному в такой безбрежной степи. Шел я ходко и через некоторое время стал замечать на горизонте впереди черные точки, думка такая – может люди, может волки, но иду не сбавляя хода, и стало похоже вроде люди, я пошел еще быстрее и правда – люди, а следа под ногами не видать, метет помаленьку.

Догнал людей – это были три женщины с их поселка, стало веселее, и так мы пришли.

Мария не ждала, я не писал ей. У нее приехал муж из Караганды в отпуск, он работал в шахте.

Что особенного у них – это соленая вода, и если она не кипяченая, то напиться ею нельзя. Пьешь, и больше хочется пить.

У них я узнал, что такое жернова. Это круглый камень, а по нему трется второй камень с отверстием, и закреплена палка в камне и упирается в потолок. Крутишь за палку одной рукой, а в отверстие подсыпашь пшеницу другой рукой – вот и вся техника. Сначала показалось – легко, и я расхрабрился, а пока смолот чашечку на вареники, то устал не хуже, чем в шахте – вот такие жернова. У них была мука, но с жерновов лучше.

Домики у них саманные, топят кизяком и, по сравнению с нами, в домах холодно.

Я привез ей 30м. товару-хлопчатки, она очень обрадова-

лась, им товару не давали, хотя они насчет еды – были сыты, у них была мука, пшеница, просо и картофель.

Когда я уезжал, Мария наготовила мне полный вещмешок разных пирогов и пышек, хотя я и отказывался – пришлось взять.

На машине добрался до станции Шартанды, а там заскочил в поезд, заплатил 96 рублей штраф, и в Петропавловске дождался до вечера. Поезда проходят, а сесть нельзя. Идет поезд «Москва – Владивосток». Хватаюсь за подножку и пошел. Вагон оказался купейным, а на подножках я не один, таких, как я, много, и кондуктор нас пожалел и пустил в тамбур. Под утро сказал, что смена его меняется, и он нас выгнал. Это было 5 декабря, День конституции, и на остановках таскают водку на розлив и пирожки, а мороз под тридцать и на ступеньках ехать – это надо иметь терпение. Хотя одежда на мне теплая, а на голове один подшлемник, их выдавали солдатам на фронте под шлем одевать. Я же поехал в фуражечке – натяну на кудри и воротник у «москвички» поднял и пошел, а в степи дал мне ветер, и у меня стала мерзнуть голова.

Мария дала мне подшлемник, а когда ехал на ступеньках вагона, то ветер снес с меня фуражку, и стало неприятно. Одно спасение, что на остановке выпьешь 150гр. и дальше. Как мы ехали – даже страшно вспоминать, чем ближе к Новосибирску, тем мороз сильнее.

Приехали в Новосибирск ночью, зашли в вокзал. Везде народ лежит на полу, только оставлены узенькие дорожки, чтобы проходить. Пошли мы с попутчиком по всем этажам – негде даже встать, что делать? Потом смотрим – одна семья что то шевелится. Спрашиваем – будут уезжать. Мы подождали, пока они соберутся. Только ушли – я положил вещмешок и обнял его, лег на живот и сразу уснул. Разбудила меня уборщица – она поднимет часть лежащих, протрет пол, и опять ложатся. Я не лег, было уже утро, спросил, как попасть на базар? Купил кожаную шапку, по тем временам хорошую.

Пришел поезд в нашу сторону, за 50рублей кондуктор впустил в вагон с уговором, что он ничего не знает. Уплатил два раза штраф и был в Новокузнецке.

А дома меня ждал аккордион, Костюк привез за 4500 рублей и уже немного научился играть, меня встретили маршем и смехом.

Вернусь немного назад. В войну придумали – ходить на рекорд, т.е. давать по две, три и больше норм. Тут начались чудеса, один даст две нормы, другой его побьет – три, и пошло и пошло, и перевалило за тысячу процентов, а после стали уже за две тысячи и т.д.

А на самом деле было так. Забойщик должен забурить забой (имеется в виду мелкая нарезка – проходка по углю), после отпалки разобрать кайлом, лес подать себе, закрепить забой и зачистить уголь.

На рекорд ходили многие, но в основном донбасовцы, хотя работали они очень пассивно, против нас. Они были эвакуированные, а некоторые сбежали вместо фронта сюда в Сибирь, что выяснилось после войны.

Идет он в партком и просит, что он пойдет на рекорд, если ему создадут условия. Оттуда позвонят начальнику участка, чтобы рекорд обеспечил, вот он и выкручивается, ибо за срыв рекорда..., короче 58-я статья – это самое страшное, что было в наше время.

На шахте был донбасовец Яценко 56 лет. Вот его сделали главным рекордистом, вместо двадцати забойщиков – он идет один во все двадцать забоев. Как это получается?

Начальник участка посылает слесарей и прочих подземных, чтобы забой забурили, запальщик отпалит, уголь уберут домохозяйки или прочие поверхностные рабочие, которые ходили на помощь горнякам: это столовские, медицина, парикмахеры, разные с мойки технички и прочие. Их в лаву опасно посылать, да и в лаве работать надо здорово, и иметь большую привычку, а в забое – тем более в мелкой нарезке, не опасно и никто не гонит, уголь уберут, крепильщики закрепят, а кто шел на рекорд – его дело

только разобрать забой кайлом после отпалки. Разбирать и нечего, потому что бурильщик так забурит, что вынесет по самые стаканы, т.е. по дно шпуров, чтобы не сорвать рекорд (иначе 58 статья). А рекордист даже не в каждом забое побывает за смену, а проценты ему – вот и получается две тысячи процентов.

У нас на рекорд ходили, но народ у нас в основном был довоенный, и обманывать некого было, а если нажмут, то Гриценко, мой бригадир, идет на рекорд. Мы работаем, как и каждый день, только всю добычу ему запишут, а мне и Золотухину Василию Ивановичу, десятник проведет какуюнибудь постороннюю работу. Так – то давали рекорды, ибо норма и так составлена почти на максимальную нагрузку – ну две нормы, ну три в лаве, если хорошие условия попадут, и то не чаще раз в год. А поднять в два раза больше нормы – это очень тяжело и невозможно.

На шахте был отчаянный нахал, фамилия Совершенный, работал в месяц не больше 8-10 дней – остальное болеет: то палец ушибет, то ногу, то спину – лишь бы не работать. А выйдет на работу – рвет и мечет: и выработка у него хорошая, и заработок и по бюллетню получать есть что.

Услышит, где нужно пройти разрезную печь на шахте быстро, и бежит в управление, и говорит: «Я пробью эту печь быстро, если она вам нужна, но создайте условия!» Ему создают условия – человек 5-8 ему прислуживают, а деньги ему и почет ему. Когда на шахте уже все стали от него отказываться, он прослышал, что на шахте «1-я Капитальная» есть хорошая лава и в нее ходит 8 отбойщиков. Он пришел к управляющему шахты и говорит: пустите меня в эту лаву, и я с Гриценко вдвоем закрепим лаву. Тот позвонил на «1-ю Капитальную», договорились они, и поехали на рекорд.

Закрепили они эту лаву, хотя с опозданием – смену задержали, но это не страшно – об этом знал весь трест. Когда они вышли из шахты, это было в конце 1945 года, их хорошо накормили и на лошадях привезли домой. Здесь на

шахте состоялся в столовой банкет, они немного выпили и расхвалились. Совершенный начал хвалиться, а Гриценко «заело», он сказал: «Если бы я знал, что ты так крепишь – я бы с тобой не поехал, у меня Фидрих и то лучше работает». Управляющий – Алексей Степанович Ременский спросил у Гриценко, что это за Фидрих? Он сказал: «Это мой напарник, работает по второй руке». «Ты приведи его ко мне, я с ним поговорю».

Я пришел с Гриценко, он посмотрел и говорит: «Ты сможешь бригадой руководить?» Мне это знакомо. Бывало бригадир больной или отдыхает, а угля не меньше давали. Ременский говорит: «Оставайся в этой бригаде, а Гриценко я заберу в отстающую бригаду». «Нет, я в этой бригаде не останусь, а если идти бригадиром, то только в отстающую бригаду» - Он согласился.

Я пришел в другую смену и сказал: «Я пришел к вам бригадиром и кому не нравится, можете жаловаться» И начал я работать по своему, ибо я много уже знал и многому научился, знал, что надо, чтобы уголь был и все такое. С десятником сразу договорились, что угля я дам, лишь бы он вывез. И начал я разворачиваться. Старые, «тяжелые» горняки ушли один по одному, напарников себе сделал из лесогонов, которых я знал, и добыча пошла сначала, потом и Гриценко перегонять стали.

Я любил ночную смену, которая имеет много преимуществ. Знаешь, сколько дали угля 1-я и вторая смены. И уже строишь работу так, чтобы дать больше их угля, и порожняк дают больше потому, что в ночь многие подсобные не работают.

Порядок был такой: бригадир, десятник и начальник, перед сменой, идут на наряд в нарядную шахты, где наряд ведет начальник шахты или главный инженер, ну и прочие. И там ставится вопрос прямо: «Бригадир, сколько дашь угля? Или же, сколько нужно дать! А начальник и десятник должны обеспечить лесом и порожняком. Короче, бригадир был основная фигура, и он мог начальника участка или

десятника «разделать под орех», если что не так, но я был не «ядовитым» бригадиром и ни на кого не жаловался, у меня все было хорошо.

Сам я веселый по натуре и любил веселых ребят в бригаде, и зря людей не мучил, если нет порожняка – ложись, но если есть работа, тут уж извини, не вертись, жми.

Сначала пришел десятник и стал ругать моих ребят, почему сидят? А что делать? Нет порожняка! Все равно, не положено сидеть! Я сказал, я отвечаю за уголь, и не твое дело, кто что в лаве делает. Он пожаловался на наряде. Тогда я спросил: «А почему у меня больше угля, чем у других бригад, и порожняк грузится быстрее – потому что люди отдыхают, и если нужно, то они не уставшие и веселее работают. Начальник шахты сказал: «Не мешай, он молодой, уголь дает, что тебе еще надо».

Один раз шли на работу во вторую смену, получили аккумуляторы (светильники), и как всегда со смехом, выбегаем на улицу. На ступеньках ламповой сидят «лебеди», (так звали поверхностных, которые шли в шахту помогать) – они были одеты в белую одежду, и гляжу – сидит дивчина, я всех знал на шахте, а ее вижу первый раз, и что - то она мне очень понравилась.

12.04.1980г.

Летом 1946 года я купил на базаре корову и сдал ее за сено в Березовую гриву, за что мне дали 4 гектара сенокоса, и я его продал по 400 рублей за га. Но сено не стали давать вывозить, придумали пропуска, а брать их в районе, а район в Мысках. Вот и поехал я в Мыски на велосипеде.

Погода хорошая и дорога тоже. Одежда я по летнему: бостоновые брюки от костюма, белая рубашка и фуражка. Когда выехал на гору за Косым логом, перед тайгой, я снял кепку и повесил на фару. Перед выемкой я вильнул, и фуражка упала. Я хотел подхватить ее и упал, разбив коленку, но не сильно. Обвязал платочком и поехал дальше. По дороге догнал Петра Приходько.

Он очень устал, одет он очень тяжело, сапоги, гимнастерка, и мы поехали вместе. Но велик мой очень легкий, и я все его поджидаю. Короче, привез пропуск.

На завтра пошел на работу, и кое - как дотянул. Коленко распухло, а на него нужно упираться в крутой лаве, я старался не обращать внимания на ушибы, но ничего не получилось.

Выйдя из шахты, я помылся и пошел в здравпункт.

Зашел, и вижу – эта дивчина здесь работает и спрашивает: «Что у вас»? Я показал коленку. Она бесцеремонно начала его общупывать, мне стало больно, и я поймал ее за руку механически. Она сказала: «Подумаешь, нежный», и стала записывать в журнал и услышала мою фамилию. Говорит, так небрежно: «Не ты ли тот Фидрих, что у вас на шахте гремит его бригада»? Я ответил: «Не знаю», и пошел на прием к хирургу. Мне выписали больничный, и я пошел отдыхать домой.

На третий день сходил на прием к врачу, и нога стала поправляться. Под вечер я поехал кататься на шоссе на велосипеде. Еду и вдруг слышу: «Больной, вы почему нарушаете больничный режим»? Я глядь - она. Я остановился, и спросил: «Куда она идет»? Домой, и если можешь, то подвези меня». Я тебя на горку не подниму, а выйдешь до пожарной на гору, и там я тебя подвезу. Тогда была мода – катать девченок на велосипедах. Она сказала, что ее зовут Шура, и я узнал, где она живет. После много я катался по шоссе, но ее не встречал и стал немного забывать.

На аккордионе я играл, но неважно, и потому любил слушать хороших игроков. Мишка цыган нашел парня, который был на фронте и хорошо играл и мы стали ходить по улице и петь под аккордион частушки. Соберется ватага и пошли веселиться. Я люблю веселье, а моя жена, Мария, все меня ругала, и не пускала на улицу. И она мне надоела – детей нет, уйдешь она, придешь она – никакой разницы. И я сказал, что не буду с ней жить.

Как то мы с ребятами взяли аккордион и пошли на

Десятую гулять. А когда я пришел домой, то увидел, что Мария ушла и все унесла, даже чугунок с супом. Я сильно разозлился, а ее соседки натравили, что все забирай, дескать, он к тебе вернется, но я не вернулся, ибо я не ожидал такого предательства.

Я позвал участкового, да соседей, кто посолиднее, и она со своей стороны, тоже привела людей, и люди нас разделили. Она взяла все отрезки и тряпки, а мне остался велосипед и аккордион, и, конечно свобода.

Стал жить опять один, но вскоре подошла весна, огороды сажал и о женитьбе не думал.

Как то встретил Шуру и начались шуры – муры. После посадки картофеля, в воскресенье, погода была хорошая, и я с товарищами пошли в Осиновку, так называлось тогда – идти на базар.

Там встретились много наших ребят и девчат. Сходили сфотографировались, пощелкали семечек и пошли домой. Ходили тогда по железной дороге, это была главная улица для пешеходов. По дороге пели песни и очень хорошо, не так как теперь поют, и договорились, что после обеда соберемся снова и пойдём в тайгу.

Собрались у меня, взяли аккордион, а Васька Третьяков играл очень хорошо, и с частушками пошли. Пришли в Красный калтанчик, я захватил пачку денег, думал, что в деревне найдем медовухи, но ничего не нашли. Подошли на берег Калтанки.

А берег хороший, с той стороны речки тайга начинается, очень красиво, начались танцы, из деревни пришла молодежь, очень было весело.

На работе в шахте дела шли хорошо. Работали 5- й Елбанский пласт, мощностью 3,5м. Колчеданов было мало, лава все укорачивалась, шли под нарушением. Осталась лава десять кругов – 30м.. В это время пришел из армии Федор Загляда и я взял его к себе в напарники, хотя в этом он ничего не смыслил, потому что до войны он работал конюхом на Девятой штольне.

Когда работают два друга, то дело идет на лад. В конце июля наша лава кончилась – перекрыла порода, и дают новую лаву, а это значит – пока ее разгонишь – угля нет, а план прежний и конец месяца. А я не привык без выполнения кончать месяц. Сверхплановую добычу «съели», и вот 31 июля 1947 года пришли на смену. Я сказал мастеру: «Давай порожняк приготовь под старую лаву, и я пойду добывать план. Взял слесаря с собой. В старой лаве настелили рештаки в три нитки в две ленты, подняли электросверло и давай бурить лоб, ибо лава была короткая и не села, хотя и разгон большой. Забурили лоб на целую сумку аммонита, запальщик зарядил все за раз, соединили, и как ахнули. И пошел уголь, только подавай порожняк, и так опять моя бригада с выполнением!

Конечно, как работали раньше в шахте, то это было нарушением, ибо на каждую выработку нужно составить паспорт, да утвердить, и прочее и прочее. А тогда аммонит никто не считал и паспорта никто не знал на выработки – уголь давай любым способом, и запальщик подчинялся бригадиру.

В августе 1947 года я пошел в отпуск, это был мой третий отпуск. Делать особо нечего, денег много, пить тогда не было моды, и я пошел с Тугушевым Захаром в Солтон за коровами (ему не с кем было идти), решил пойти попутешествовать.

Доехали поездом до Кузедеева, а там до Кандалепа, на Мунай, переночевали. День шли таежной дорогой и пришли в Кедровку уже темно. Кедровка село богатое, изо всех, какие мне приходилось встречать. На улице лампочки горят – молотилку трактор «гоняет» (вырабатывая электричество). Мужики веселые, энергичные, слышны песни, смех. Наутро пошли дальше, и как то сразу тайга кончилась, мы на горе, а перед нами степь, под горой перед нами речка, а за речкой бывшая деревня, т.е., где стоял дом – бурьян порос и повсюду видно, как и где дом стоял, где была улица, и где переулочек, короче – все село, как нарисованное.

Прошли через это село и подошли до другого села, тоже пустые дома стоят, но жителей нет, как-то жутко в таком селе. Нашла туча и пошел дождь, решили зайти в дом, а впереди большой дом видать, я побежал в него и кричу: «Захар, иди сюда», он пришел и стали осматривать дом. Шесть комнат, большие сени и веранда, весь резьбой обделан – красивый дом. Дошли до деревни Излап, переночевали, и на завтрак, в обед были в Солтоне – это было в субботу.

Пришли в дом колхозника, заплатили по три рубля за кровать и можешь отдыхать. Это большая комната, кровати стоят чисто застланные, тумбочка для каждого. Мы заняли кровати у окна, есть библиотека, я взял книгу и стал читать. Заходит женщина, а с ней дивчина, я смотрю – не колхозница, тоже берут койки рядом с нами. Я был одет в хороший бостоновый костюм темно-синего цвета – по тем временам – предел мечты. Сапоги хорошие, тоже мода того времени. Шелковая рубашка, кудрявый, без фуражки, я летом не носил головного убора.

Познакомились, ее звать Рая, и она находится в отпуске у тети, а работает в Томске, а тетка ее провожает. Она мне стала показывать Солтон. Попробовал я медовухи – продавали в ларьке. На завтра пошли на базар, коров не было. Попалась машина дальше, за Солтон и приехали в Березово.

Там переночевали и пошли на Овсянниково. По дороге повстречали двух возчиков, они просят закурить. Захар достает табак, а спичек нет. Это мы сейчас, и достает из кармана стеклянную линзу большую грамм 500 весом и хочет от солнца прикурить. А по небу тучки идут, и солнце то покажется, то скроется, и вот этот «курец» смотрит на степь, где больше блик солнца идет, и он бежит навстречу. Не успеет настроиться, а солнце уже ушло, бегали, бегали и не прикурили. Я, конечно, посмеялся с этой охоты, а спичек еще не было, обычно прикуривали с кресалом, по камню ударяют стальным ударником и от искр загорается

вата.

Подходим к Овсянниково, на поле женщины пшеницу жали. Я свистнул, и они все поднялись, и глядят в нашу сторону. Я кричу: «Кто за меня замуж пойдет?» - иди сюда. Я подошел, и мне как то неудобно стало шутить. Девки такие статные, а одеты кто во что: у кого юбка из мешка, у кого из скатерти, но они веселые и пошутили, посмеялись, и я пожелал им счастья, и пошли с Захаром в деревню. В Овсянниково я купил корову за 8 тысяч рублей – первотелок и только отелилась. Переночевали и повернули домой. Шли через Поповичи, в Нине заночевали, прошли мимо Сары – Чумыша через кедрач и в Бенжереп.

Здесь Захар купил быка и пошли домой. Прошли мимо Кузедеева и где-то в степи, на току ночевали и на другой день, под вечер, были дома.

Раз корову купил – нужна и хозяйка. Пошли с Дедусем Родионом до Шуры сватать, договорились, и седьмого сентября 1947 года была свадьба.

Конечно, по тем временам, это была богатая свадьба, если учесть, что все по карточкам и хлеб, и жиры и прочее. Я купил 15 бутылок водки, пять шампанского, пять коньяка и десять красной.

Собрались идти за невестой. Вышли с аккордионом десять ребят, и тут бабы соседские стали говорить, что так не положено. Нужно чтобы среди вас была обязательно женщина, и было нечетное число. Взяли с собой Дедусеву Надю, и пошли с песнями и музыкой. Пришли, они тоже немного приготовили, сели за стол, пообедали с водкой и пошли к нам. Конечно, больше всего досталось аккордиону. Свадьба есть свадьба, но по тем временам – это была пышная свадьба.

Мишка цыган плясал, пели песни и прочее.

Десятого сентября я вышел на работу и нам дают новую лаву по Третьему Кандалепскому пласту, это за террикоником сразу, с гор, мощность 1,6м., крутая 60 – 70градусов, кровля хорошая, короче, работать можно, и начали

показывать класс работы.

Работать начали на север, и дошли до квершлага, оставили «ножку» (целик). И снова с разрезки пошли работать на юг. Работали так: возьмем 6 лент и пробиваем капитальный комплект стоек под посадку, но не садили – дальше работали, и так до 26 февраля 1948 года. Лаву ни разу не садили, и она стояла, уже заканчивалась, но хотели доработать до 1 марта.

И вот в конце ночной смены с 26 на 27 февраля, я работал с Лобановским Петром и два лесогона с нами, они лес подали и не пошли домой, а стали нас ожидать. Мы кончали крепить, осталось забить две стойки.

И вот из завала пошел шум, далеко в завале слышно – лава садится, и все ближе и ближе. Мы кинулись бежать вверх (лава длиной 110м., но шла на сокращение, крутая 60-70 град.) Я бегу и все слушаю, может хоть чуть остановится. Но она все сильней и уже над головами стала «порошить» (шелушится и осыпается) кровля. Добежав до сбойки на вентиляционный штрэк, я вижу – крепления уже нет, только висит бурильный кабель. Я остановился, а Витя Лежепеков схватился за кабель и полез вверх. Я прыгнул под лоб забоя, хлопцы за мной и, когда остановились, то понял, что тут спасения нет – все давит, трещит и затяжки лопаются, кровля и лоб «порошат» и бежать больше некуда. Я присел на стойку, лесогон Мерзаев надо мной, а Лобановский подо мной, ниже на стойку. Я вспомнил, что успел и говорю: «Ну, ребята, все нам...

И в это время сразу стало тихо. Я бросился к сбойке (вверх), но она «ушла» (завалилась) и забутило, на наше счастье, на комплект, который был в завале на второй ленте от сбойки. Я крикнул: «Вниз, под уступ» - там хоть и завалит, но мы будем живы, разве воздуха не хватит. И, расставив руки, как крылья, я «шуранул» (бросился) вниз под уступ. Когда я заскочил под уступ, то здесь совсем спокойно. Но Лобановский и Мерзаев не побежали ко мне, а кинулись вниз. Подумал, туда ушло столько «бута» (в данном случае

породы, ломаных стоек и затяжки) и выход был с отставанием на 10 м. в завале. Но когда они побежали – я за ними. По дороге обогнал их, хотя и руки побил, ибо я летел по ленте, а руки расставил, как крылья и об стойки притормаживал. Подбежал по откосу вниз к сбойке, здесь было нарушение, т.е. два круга «вертикала» (пласт перегнулся с 70 градусов на 90 град.) и их бросили брать – лава кончалась, поэтому и выход нижний так далеко оказался в завале. Когда я подбежал к этому «вертикалу», то гляжу – комки породы накатились с завала от комплекта. Я быстро один откатил, второй распер потихонечку, и проскочил вниз, сам себе не веря, кричу: «Ребята, я в «нулевом» (или конвейерный штрек), потихоньку, не свалите породину, которую я распер». Они пролезли ко мне, и мы давай обниматься и плакать, не знаю, от чего.

Спустились на «основной» (откаточный штрек), а там никого нет. Люковой и откатчики (вагоны катали руками) убежали на квершлаг. Я побежал на квершлаг, а горный мастер, такой беззаботный, сидит на электровозе и сказки рассказывает. Я на него накричал, и говорю, что Лежепекова наверно завалило. Мы бегом, по первому уклону, побежали на гора, на шурф. Прибежали, а там вместо нашего шурфа и лавы – завал, яма, метров 200 в длину. Тут люди жили, так они из домов поубегали, и у некоторых стайки по уходили в завал. Значит, Виктора завалило.

Пришли в мойку, тут сразу вызывают на допрос к главному инженеру. Там уже из «треста» (трест «Осинникиуголь») понаехало, и давай кричать на меня, как будто не знали, что работали пять месяцев крутую лаву, и ни разу ее не садили. Я со злости и с пережитого заплакал.

Они тогда замолчали и гл. инженер наш говорит: «Как по твоему, где нужно искать Лежепекова?» - Я сказал, что он или вверху сбойки, или на просеке, в тупик успел заскочить, не дальше. И я пошел домой, а не спится.

В шесть вечера, я опять пошел на шахту, и только подхожу к комбинату, вижу бежит, уже в грязном одет, Ми-

хаил Бартынев и говорит: «Одевайся скорей и беги за мной, а я в кузницу, заправлю два койла, нужно пробить сбойку на просек. Передали горноспасатели, что он кричит и стучит».

Побежали мы по уклону в шахту, и встречаем горноспасателей, которые идут на гора. Впереди командир, и Мишка с ним стал говорить, а он отвечает: «Да живой ваш бандеровец, и слышно – стучит.» А я возьми да и скажи, почему вы пошли на гора, а не достаете человека? Командир их посветил на меня, но ничего не сказал, и пошли они вверх, а мы вниз. Лава была недалеко от ходка. Прибежали под лаву, там встретил нас наш начальник Милешкин Егор Трифонович, хороший был мужик, и сказал: «Леня, постарайся, я надеюсь на тебя.»

Мы с Мишкой разделись в «основном,» койла в руки и полезли вверх, где мы пол суток назад ждали смерти. Здесь все уже было подкреплено, выложены клетки и был запасной лес.

Сбойка по направлению к Виктору уже была засечена, т.е. обозначена.

Я сбросил рубаху, кайло в руки и давай работать. Уголь сначала был твердый, а дальше, через метр, стал землянистей, и стал легче браться. Работали так: кайлом без отдыху, и это почти «вертикал», и как устанешь – другой начинает кайлить. Когда прошли метра два, стали кричать Витьку, он отвечал, но понять ничего нельзя. Прошли еще два метра – и стали разговаривать с ним. Он сказал, что не придавлен и не травмирован, но находится в опасном положении – глина на него падает и он из под нее вылезет и снова ждет, когда упадет, а сам все выше и выше поднимается.

А сбойка наша все сходится (кровля с почвой). Пласт выклинивался, а просек, где он сидел, там уже глина и не креплено. Когда сбойка подошла к просеке, где сидел Виктор, то пласт сошелся до 35 сантиметров, даже кайло не ставало прямо рогами. Стали выпускать глину и вот отверстие до Витьки. Он, из под ног, опускал глину, чтобы расширить отверстие. Расширить нам сбойку нет возможности,

кровля крепкая, а от верха нашей сбойки до Витьки глины нападало метра два. Я сказал: «Витя раздевайся до трусов и оставь там все, и ныряй ко мне вниз головой, ибо если ты застрянешь, а сверху глина упадет, и мы тебе не сможем помочь». Он послушал и нырнул к нам, и вот он у нас на полке, а сзади посыпалась глина, и отверстие завалило, видно он зацепил какой-то борт.

Поделились одеждой и бегом вниз. Здесь встретили начальство и скорая помощь, что то Витьке давали, но мы бегом на гора и поднялись по ходку. На выходе с ходка на поверхность, была табельная или пропускная, т.е. бросаешь рабочий номер, а когда выходишь, берешь его обратно, так отмечалось, кто был на работе. И вот прибежали в табельную, а здесь сидит весь взвод горноспасателей с командиром и зам. начальника шахты по снабжению Дорохов. Он достает пол литра спирту и давай угощать. Я не стал пить и Витька, а Мишка Бортынев за нас выпил и попросил еще. Он был горняк еще Анжерский и любил выпить, я его любил за веселый нрав и за простоту, хотя ему было уже под 50 лет.

Прибежали в мойку, а тут наш пом. нач. участка Кулешов говорит: «Мойтесь и в столовую, там уже обед приготовили». Тогда это было большое событие, если угощали обедом, потом на лошадях нас развезли по домам.

Этот Витька Лежепекоев познакомился с Клавой, а она была дочь парторга из шахтстроя, и как он узнал, что его дочь спуталась с бандеровцем, то не разрешил им встречаться. А Витька был парень стройный, красивый – и что он в ней нашел? – впрочем, любовь. Тогда они нашли квартиру на улице Короленко и прожили там день, а в ночь он пошел на работу, и случилось это несчастье.

Когда Виктор с Мерзаевым подали лес и дожидались нас, то Мерзаев дремал, а Витька все пел: «И от шампанского я был без памяти» Я спросил, что за песня и почему ты такой веселый? «Вы знаете, что я сегодня женился! Лобановский Петро кричит ему (это в лаве, а они от нас

далеко): «Женился, а ночь проводишь в лаве, то надо было и жену брать с собой, как люди добрые делают.» Посмеялись, и не знали, что чуть не последний раз.

Виктору дали путевку в дом отдыха, и когда он оттуда вернулся, то отец Клавы, уже смилостивился и разрешил им жить.

После этого случая, я перестал «играть» в удачу, и что положено делать по безопасности – все делал, и без запасного выхода в лаву не ходил и других не посылал. Сама обстановка в шахте стала постепенно меняться, хотя еще было «давай, давай», но уже стали за безопасностью следить: ставить временную крепь; в крутых лавах полки делать, за запасными выходами следить и т.д.

22 октября 1947 года мы с Шурой расписались, и я взял фамилию Шуры, т.е. Яковлев.

(Я, сын Миша, спросил у отца: «Почему ты взял фамилию мамы?» – Он ответил, чтобы вас не преследовали за то, что я сосланный).

Работалось в шахте хорошо, и жизнь шла своим чередом. 25 апреля 1948 года родился сын, назвали Жора, очень беспокойный и сильно кричал.

Летом 1948 года я пошел в отпуск, и появились в продаже мотоциклы «Иж – 350». Трое в нашем районе купили и больше не привозили. И я поехал в Новосибирск за мотиком (мотоциклом). Костюк Соловей работал инструктором в горкоме и пообещал найти для меня место в вагоне.

Приехали в Новосибирск и зашли в ЦК Угольщикова Востока. Я думал, что такое серьезное название и туда не попасть, а пришли в большое здание с большим залом и всего один делопроизводитель. Костюк обратился к нему: «Как увезти мотоцикл?» - Он говорит: «Идет вагон в Сталинск (это город Новокузнецк до 1961 года) на шахту «Куйбышевуголь» – и можно с ними уехать.

Мы пошли в магазин, купили мотоцикл, прикатили сюда во двор, и давай меня Соловей, мы его звали, Сашка, учить ездить. И я помаленьку начал сам заводить, а тро-

гаться с места у меня никак не получалось, но немного научился. Вот прошло уже тридцать два года, и даже смешно, какие мы были тупые в технике. Сейчас первоклассник и тот уже понимает, как ездить, и что такое свеча, а мы кроме тележки, что сам тянешь, да велика ничего не знали. Правда я знал шахтовые моторы и электричество, и почему оно крутит мотор, а о таких моторах «внутреннего сгорания» – ничего.

В этом заведении мы и ночевали, завезли мотоцикл в зал, нам техничка разрешила, она нас закрыла на ключ, и пошла домой, а мы остались в этом большом зале. На завтра я спрашиваю: «Такое большое здание, а никого нет?» - Он отвечает, что здесь бывают только тогда, когда слет или еще что, а так они все в разъездах по угольным бассейнам.

Посадил меня Сашка в вагон, там было два сопровождающих. Они везли книги для библиотеки и картошку купили в Новосибирске, т.к. она была дешевле, чем в Сталинске. На третьи сутки приехал в «Куйбышевуголь». Меня ссадили и я побежал на шахту зарядить аккумулятор, если бы сейчас, то я бы сел и поехал, а тогда думал, что без зарядки он не поедет.

Через четыре часа поставил батарею и собираюсь ехать, а как и сам не знаю. Подходит мужчина и спрашивает: «Куда мне ехать?» - В Осинники. Он согласился перевезти меня через город до Абагура, а там я сам через горы поеду. Доехали до Левого берега Томи (так сейчас называется остановка). Здесь стоит машина из шахтстроя и знакомый шофер. Машина ждала другую, которая осталась за мостом, а мост ремонтируют. Едут они из Байдаевки - тогда там моста еще не было, и ездили через Абагур, где был мост через Кондому, и дальше через горы в Осинники.

Я расплатился с провожатым и стали мы кататься по поляне, это ж диковинка, даже шофер и тот не может ездить, и вот наш мотик заглох и не заводится. Мы его и с горки, и так толкали (с шофером было 5грузчиков, они везли бочки с бензином и маслом). Тогда мы подняли мотик

и положили его на бочки боком, поддерживаем с боков и едем домой. Два раза машина застревала в овраге в грязи, а была уже ночь и шофер спит, а мне не терпится, и я подкапаю, подстелю веток, разбужу шофера – он выругается, но включает и машина пошла. И так доехали почти до нашей шахты, и на склоне горы, как заехали в лужу и мотик чуть не слетел. Мы его сняли, шофер сказал: «Буду ждать дня.» Я покатил с горы, где сяду, где качу и спустился по Степной улице до линии железной дороги, а переезда нет и рельсы высоко. Положил на бок и занесу то перед, то зад, и так перетащил, а время начало рассвета на улице никого. Скинул рубашку и качу в одной майке на Елбань, и никого не встретил, в пол. четвертого был дома.

Утром пришли хлопцы и давай заводить, но не заводится. Я сходил на Девятую шахту к Трубецкому, он был фронтовик, привез мотик и разбирался. Он отвернул свечу, открыл распред. коробку и один проводок вылез из под винтика, он его привинтил и мотик ожил.

Мотоцикл Иж-350 был очень простой, без амортизаторов, низкий и очень устойчивый на ходу. Я стал цеплять тележку и возить картошку с поля и гречку.

Затем пошли мотоциклы с амортизаторами: «Иж-49» - самая лучшая модель, не сравнить ни с любой другой моделью, хоть «Иж-56», «Иж – Планета» и прочие. Хорош был «Иж-49».

Стоил «Иж-350» -356 рублей, мощность 11л.с., «Иж-49»-364 рубля, мощность 12 л.с.

В 1950 году надумал строить я дом. Купил лес на шахте, из тайги привезли два трактора хлыстов, и зимой 1951 года, к весне начали строить дом, и к осени дом был готов. Нашел бригаду маляров и за 500 рублей они мне покрасили все.

В 1951 году у нас умерло двое детей: Володя и Вера. Остался старший сын Жора, а в 1952 году родился Миша.

В 1950 году мне было присвоено звание «Почетный шахтер», а в 1952 году награжден медалью «За трудовое

отличие».

Люблю хвалиться, а потому расскажу, какой был случай. Работал я тогда на 5 участке. Под 1 мая 1952 года, т.е. 30 апреля пришли мы на смену, работали в первую смену. Начальник участка говорит, что лава завалилась, верхняя часть 16 кругов – 48 метров, что делать, пропал план этого месяца, а пока прорежем, то и в новом месяце плана не будет. Начальник участка был Писляр Степан Данилович. Я подумал, что прорезать лаву можно, если конечно взяться. Я обратился к начальнику: «Давай я прорежу лаву за одни сутки, если, конечно создадите условия».

Он как закричит: «Какие еще могут быть условия, если где работать, говори, что тебе надо, хочешь, я сам пойду к тебе в помощники, только прорежь лаву к 1 мая». На наряде все засмеялись, а я сказал: «Нет, нет, ты наоборот не приходи, то будет лучше, как я буду прорезать - это мое дело. Только что бы был взрывник у меня под руками, электрослесарь тоже, чтобы сверло было запасное, лес без задержки, короче ни минуты простоя, пойду по над завалом, я когда то прорезал так и, поэтому надеялся на себя.»

Так идем всей бригадой, и я буду работать, пока не прорежу. Из бригады, кто желает, тоже может остаться со мной, во второй и третьей смене, чтобы люди были, если кто, из моих уйдет домой. Набрали еды, и пошли, приходим до лавы до завала, а там уже сидит мой напарник Федя Белов с Тайжинки. Он на наряд не ходил, оденет спецуру дома и через верх придет, отработает смену (он крепил со мной на пару) и опять ушел, парень молчаливый и тихий. Говорит: «А я давно вас жду, пришел через восьмой участок». «Федя, вот мое условие, пока не пробьем лаву – домой не пойду, ты как»? Он смотрит на меня и молчит. Я повторил вопрос. «Да что ты пристал, хоть и пять суток придется сидеть, я с тобой». – «Ну и хорошо».

И начали работать, Отпалили два шпура, рвет хорошо, я пробираюсь до почвы, прямик взял, смерки (две длинные палочки, которые раздвигают на нужный размер

и держат) замерил, подал, Федя отрубил стойку и я забил, подбутил, чтобы бут не валился и дальше. А лава была наклонная – 30 градусов, на «мертвые» (когда уголь сам по ним не идет – угла наклона не хватает, и его надо гнать лопатой) рештаки.

За первую смену прошли 6 кругов – 18м. и так работали до присека. Перед завалом лавы, вверху был присек, т.е. не добранная лента 2 круга – 6м., да наша лента, уже получается два уступа. Когда подошли под присек, я подумал, зачем поворачивать на завал, да и, не известно, как там устоял штрек, и я повернул на целик, т.е. на массив вперед, хотя и длинее и труднее, но надежнее. А проветривания хватало, струя воздуха такая, что аж тужурку задирает – лава завалена, и весь воздух идет через нас.

Не помню, сколько отпалок сделали, все слилось воедино, но пробились на вентиляционный штрек в хорошем месте, подкреплять не надо. И лава готова к работе. Спустились в основной штрек из лавы, нас ждал «пассажир» (состав людских вагонеток), сели в вагоны, и тогда я спросил время – было 10 часов утра 1 мая. Оказалось, что работали три с половиной смены, но не в сменах дело, дело в деле, которое сделал, и с каким настроением и с гордостью ты идешь на гора, и никто не упрекнет тебя.

Пока поднялись на гора, помылись и пошли домой – уже ехали с демонстрации, а мы пошли спать, и никто не просил отгулов и не требовал особых заработков. А оплатили нам, что заработали.

Вскоре в эту лаву затащили комбайн «Донбасс». Он может отбивать и грузить уголь, нам остается только крепить за ним. Наша лава была по пласту Елбанскому шестому, просто «Е-6», а номер лавы 25. Была она не крутая и не пологая, а наклонная (30град.), т.е. на «мертвые» рештаки (это железные желоба, стелят их по всей лаве снизу и доверху), длина была 150м, всего поле 300м., от +40 горизонта до +230 горизонта, но не смогли работать – кровля слабая, обнажение большое (комбайн широкозахватный –

3,5м.) и разрезали лаву пополам (по 75м.).

Комбайн был предназначен для работы в пологой лаве, а у нас наклонная, поэтому за комбайном прикрепили «течку» (металлический желоб, который направляет уголь в решетки), а к ней цепляем решетки. Комбайн рубит, тянет решетки за собой и по ним бежит уголь вниз. Сначала никак не могли приспособиться крепить, а потом я разделил ребят: кто с лопатой подчищает; кто крепит; а кто лес подает и дело пошло.

В то время, тот горняк мог угля больше дать, в любом забое и при любой выемке угля, кто мог быстрее крепить забой. А крепить я мог очень быстро, особенно в крутых лавах, где стойка лежит перед тобой, и стоя рубишь.

За комбайном первую нитку я крепил, а вторую Федя Белов, но я крепил капитально, а он только ставил временную крепь по забою. Комбайн захватывал 3,5м., я крепил 1,2м. и Белов 1,2м., а остальное оставалось для комбайновой дорожки. Когда кончали рубить в конце смены, то и у меня крепление кончалось, и я шел с бригадой зачищать лаву и выгружать уголь, а Белов докреплял свою ленту. И мы так напрактиковались работать, что к нам приводили на практику, и этот метод даже был описан в журнале «Советский шахтер» за 1953 или 1954 год. Так работали, пока кровля не испортилась, т.е. стала слабая и валилась, ибо обнажение сразу 3,5м. забоя – это надо иметь крепкую кровлю.

В 1950 году на шахте сделали систему комплексной работы, т.е. отбойщики, навалыщики, лесогоны – всех стали называть навалоотбойщики и заработок тоже поровну, но у меня в бригаде осталось по прежнему: кто наваливал, тот и наваливал, а кто крепил, тот и крепил потому, что если человек работает на одной работе, то он будет делать ее лучше, чем менять каждый день.

А о зарплате я никогда не думал, лишь бы был уголь, и бригада выполняла и в отпуск я, обычно шел, когда был хороший фронт работы, и я знал, что без меня бригада бу-

дет выполнять.

Когда вводили комбайны на шахтах, то было указание, что в комбайновой лаве комбайнер должен быть и бригадиром. В других сменах бригадиров поменяли, а меня оставили, и дело у нас шло лучше, ибо самое главное крепить, а включать комбайн ума много не надо, лишь бы кровля не валилась.

Когда перешли в нижнюю лаву (которую разрезали – 25-ю), то кровля оказалась крепкая, и мы стали, как говорят шахтеры, «давать дрозда», т.е. придя на смену, сразу разматывали весь рабочий канат на всю длину, а это 21м., т.е. 7 кругов. Комбайнером был Михаил Павлович Носков. Я крикну: «Мишенька, жми на всю железку» - Он включает, а потом все быстрее и быстрее. У комбайна было четыре рабочих скорости: первая - 7 сантиметров в минуту; вторая – 14 см.в мин.; третья 21 см.в мин.; четвертая 24 см.в мин. И как рубит на четвертой скорости, то уголь не успевает уходить – ширина захвата большая, лаву была круче верхней и уголь сам уходил из под комбайна.

Комбайн имел кроме рабочего каната, еще и запасной. Дорубит Миша до упорной стойки, т.е. весь рабочий канат и мы кидаемся крепить. Пока он растянет канат и поставит стойку – мы закрепим. И так, за смену - три каната. Установили мы тогда по тресту рекорд добычи на комбайн «Донбасс». Но не долго, мы работали комбайном. Пошли нарушения по лаве и убрали комбайн.

Работать стали на взрывчатку, а газу много и очень строго следили газом и палить стали за один раз, т.е. сколько зарядил – столько и пали. Отпалим, замеряет газозамерщик газ – нет газа, снова можно заряжать, получалось очень долго. Сперва палили по 6 шпуров, т.е. на круг, потом стали по 12 шпуров на два круга, а я подумал, раз палим по двенадцать шпуров, значит можно палить хоть сто – все равно каждый шпур рвет на себя, а не на отбой.

Зарядили сразу на десять кругов. Запальщик-взрывник смеется – лаву завалим. А я сказал: «Не бойся, не тебе

отвечать», и он соединил с машинкой и крутанул. Все ожидали чего-то особого, а получилось нормально – взрыв, и сразу дело пошло на лад. Зарядим, сколько надо на смену, рванем и работаем спокойно. И с этого времени на всей шахте стали взрывать большими сериями, как тогда выражались. (хотя, палить по сериям, как раз палить с замедлением каждой последующей серии, чтобы получилась дополнительная плоскость обнажения, т.е. рвать на отбой).

С первого февраля 1954 года был набор на курсы комбайнеров с отрывом от производства на шесть месяцев, и я пошел учиться. Окончил, и направили нас на седьмой участок, пласт Е-6, кровля неважная, да и начальник с механиком не сильно нам симпатизировали. На отпалку проще – дал наряд, да и все, а с комбайном то надо, другое надо, и добыча не идет. Раз даже комбайн завалили, правда, кабель успели убрать, а когда прорезали лаву и подошли к комбайну, то подвели кабель, включили – работает. Я, как бригадир, давал уголь, а когда комбайн заработал, я прибежал посмотреть. А механик со слесарями думают, как отрубить рабочий канат? Я сказал: «А зачем рубить канат – включите первую скорость и канат должен вытянуться из под породы».

Включили, комбайн вздрогнул, как бы стал подниматься и осел – канат пошел. Включили вторую, третью и четвертую скорость – и вытянули весь канат. Поставили упорную стойку уже в забое, и на первой скорости, комбайн пополз из под завала.

Механик на горах один на один мне говорит, как у тебя все просто получается, а я думал, как мы комбайн вытащим, канат даже запасной принесли. Но не долго был комбайн, вскоре кровля опять стала слабая, т.е. стала валиться – комбайн убрали, стали работать на взрывчатку.

Когда я пришел на этот участок, у каждого коллектива свои порядки. И здесь, в этой смене, куда я попал, был такой порядок: в большой пересменок, а что такое пересменок? А вот что. Первая смена работала с 8 часов утра до

4 часов дня, вторая с 4ч. До 12ч. ночи, третья смена с 12ч. ночи до 8ч. утра. И получалось так: работаем в первую смену неделю, потом идем в третью – и получается большой пересменок, т.е. выйдем с первой смены, а на работу аж завтра в ночь.

Вот и придумали в большой пересменок после работы гулять, т.е. кому попадает выходной в этот день, он должен дома приготовить обед и взять водки по бутылке на нос, а смена после работы заходит и начинается гуляние. А гулять умели, ибо были горняки еще довоенные, и вообще постарше меня, и пили по стакану, а потом песни и пляски под гармонь. У меня был аккордион и веселились кто как мог.

Тогда умели гулять и работать, чтобы кто-то напился и не вышел на работу – такого и в помине не было, но все бывает. Однажды на нашу гулянку попал посторонний человек, и подрались, а я уже был бригадиром и этот обычай отменил, но после долго еще вспоминали последнюю гулянку.

С 1950 года я был на 5 участке выбран председателем участкового комитета, и когда пришел на 7 участок, то тоже, меня выбрали, а почему? Я был очень активен в работе и на собраниях. Но работа в этой лаве мне не нравилась. Лава пологая, т.е. уголь надо кидать лопатой на конвейер, а я больше нство работал в крутых лавах, где уголь сам летит вниз, остается только крепить после отпалки (отпалка – это взрывные работы).

В 1955 году стал организовываться новый участок на шахте №6 и начальником назначают Чепеля Харитона Гавриловича. Он пришел ко мне и говорит: «Я помню, ты работал на крутых пластах, пойдем ко мне, лава пока по «мертвым» рештакам, но будет крутая. Пласт «десятый Елбанский», мощность 2,3-2,4м, короче, угля море. Я согласился, но с условием, что бригадиром не буду, а работать буду в любой бригаде. К тому времени роль бригадира упала. Десятники стали называться горными мастерами, и если идет выполнение плана, то пишут не бригада выполнила, а смена тако-

го - то горного мастера.

На этом участке лава быстро стала крутая, и крутяк начинался снизу, т.е. нижняя часть крутая, а выше – середина и верх, на «мертвые» рештаки. И вот из-за этой нижней части, работа на участке никак не шла. Круто, градусов 60, колчедан и кровля плохая, и работать нужно очень умело и осторожно. Короче, «гроб с музыкой» - так звали такие лавы.

Собирается собрание, чтобы решить, как работать, кто что предлагает, но все не то. Тогда я говорю: «Давайте лаву поделим по бригадам, т.е. по сменам. Нижнюю часть одна бригада, а выше - другие». «И ты, конечно, возьмешь середину» - кидают реплику, а я уже был бригадиром, и ходил на курсы горных мастеров, при шахте учили 6 месяцев. «Нет, говорю, я возьму низ, крутую часть, и с уговором, что на мой пай никто не имел права работать, как я сделаю – так чтобы и было. Начальник говорит: «Если ты возьмешь крутую часть, то я обещаю, что кроме тебя туда не придет, и что тебе нужно – все сделаю! Мне ничего не нужно, только уберите от меня лишних людей, работать будем по старому, т.е. 3 отбойщика и один навальщик для зачистки угля, а нас ходило по 8-10 человек, а лес подавался сверху и гнать его через всю лаву, нужны лишние лесогоны, и я попросил чтобы дали мне Сашку Безматерного, Я знал его еще с 1948 года, это очень хороший отбойщик, а сюда на участок попал с крепилями, т.е. придуривается. Я с ним друг друга звали «друг». Сашка говорит: «Во друг дает» - а Чепель смотрит и удивляется: «Неужели Безматерный такой работяга»? «Ну что Саша-друг, пойдём в лаву? – «Ты же мне друг – и не спрашивай».

И стали мы работать вчетвером. Свой пай разбили на два уступа: нижний – 4 круга, и выше шесть кругов. Придем на смену, верх отпалим и начинаем крепить, а за это время, нижние круга отпалит наш навальщик, т.е. он забурит, а отпалит взрывник – и дело пошло на лад. При креплении сразу ставили в середину ленты стойку для решетки, и придя

на смену не нужно подготавливаться под колчедан – у нас решетка уже готова, и так работали, пока лава не подошла под квершлаг, т.е. до «ножки» (до целика).

Это была самая плохая лава за всю мою работу в лаве, ее номер - №61 Е 10.

С мая 1956 года я стал работать горным мастером, это работа такая, получаешь наряд по путевке, короче – хозяин смены. Считаешь объем работы, и пишешь рапорт, подсчитываешь заработок каждого и процент выполнения нормы. На другой день на наряде каждый знает, что вчера заработал, и особенно спрашивали за добычу угля, т.е. за выполнение плана. Иногда, если не хватало угля, я брал топор и сам крепил. Забурить забой и отпалить – это ничего не стоит, а закрепить – это надо поработать!

Работалось мне мастером легко, я по натуре не ленивый и легкий на ход, оббегу все выработки, проверю, а если лава под давлением, т.е. жмет, то я не уходил из лавы, а всегда находился в лаве, и никогда не допускал завала лавы, за что бригада уважала и начальству нравилось. Были случаи, когда меня посылали в другую лаву на выручку.

Так я проработал до 1959 года, а потом, на другом участке запускали комбайн, новая лава мощностью 0,8м. Захотелось поработать на комбайне, правда, комбайн «Горняк» для тонких пластов. Бросил мастерить, пошел комбайнером, и сразу пожалел. Лава пологая, ползает на коленках, а чуть подсыпет угля, то и на животе не проползешь.

Комбайн пошел плохо, мощность мала, то в почву, то в кровлю врезается, и вскоре вышло нарушение в лаве и комбайн убрали, а я остался работать в лаве отбойщиком.

Вскоре в нашей лаве, начиная снизу от штрека, стало выходить нарушение пласта, т.е. крутая часть пласта и двигалось на лаву.

(На этом запись чернилом заканчивается, и далее пишется шариковой ручкой – без даты).

Крутая часть пласта все увеличивается, а люди, работающие на этом участке, крутых пластов не видели, и потому

начинали бурить от крутяка. Короче, вертикал оставался и получалось, что пологая лава сокращалась, а крутяк удлинялся, пологую часть загнали вперед, и надзор остановил лаву. Начальник был молодой инженер и не привык требовать. Пошлет бригаду проходчиков, которые не видели вообще лавы, не то что «вертикал» - это когда пласт стоит вертикально. Проходчики придут, покрутятся, и ничего не сделав, идут на гора.

Когда лаву остановили, я сказал начальнику участка: «Дай мне этот вертикал, и за три смены и я выровню лаву, только чтобы мной никто не командовал» - а это было, когда за ранний выход наказывали. Начальник говорит: «Пожалуйста, я тебе дам любую бригаду и работай». Я сказал: «Я возьму себе одного человека и то «фезеушника» - это ученики с училища. Этот парень мне нужен, чтобы принес глины для трамбовки шпуров для взрыва, и пригнал лес, сколько я скажу и какого. Взял я самого маленького, по фамилии Израм, но подвижный паренек, звали его Володя.
(На этом повествование заканчивается).

(Продолжение)

Как я встретил 2001 год, Яковлев Леонид.

30 – го приехал сын Михаил из Междуреченска, посидели, и они уехали. Мы с бабой опять одни. 31–го было воскресенье, и я с утра пошел на базар кое-что купить. Думали, что кто-нибудь придет, но никто не пришел. Начиная с 1955 года мы, т.е. у нас, всегда встречали Новый год. Были соседи, тогда жили дружно, родня, кумовья, знакомые. А теперь никого не осталось.

Собиралось до 30 человек: это Дедуси с Тайжинки – старшая сестра Настя (Целестына), Загляды – 12 человек, Веховы – крестный Жорика, Маша, сестра Шуры, соседи и просто знакомые. Гуляли всю ночь, а утром опять начинали, и так весь Новый год. Я очень люблю принимать гостей, по затратам никогда не считался – лишь бы было весело. А в 1969 году под Новый 70 - й год, купил магнитофон за

200 рублей, а оклад у меня был 230 рублей, и записали на магнитофон весь Новый год, а он был громоздкий чемодан весом 10 кг., лента еще работает, изредка прогоняю. А встречали Новый век и год 2001 так вдвоем. Без 20 минут 12 сели, налили, помянули всех бывших родных и друзей и прожитый год, т.е. 2000 год, а в 12 часов сели, выпили за наступающий век и год 2001, закусили и все. Сам я никогда не пью. Посмотрели телик и спать.

На утро, в 7 утра, пошел в стайку, дал телке сена и воды, пришел и опять лег.

В 10 часов позавтракали и опять делать нечего. В два часа снова в стайку, дал сена и воды. Коровы нет, а телка отелится в апреле, поэтому пока ничем не подкармливаю, месяца через два начну подкармливать. Наносил угля 3 ведра и в 8 часов опять дал сена и ведро воды и опять телик. Так до 12 ночи. Да, я забыл, еще я вывозил из стайки навоз на огород, каждый день вывожу. Так прошел Новый год, так проходит жизнь в безделии. Летом хотя то где посадишь, где попопелешь, а там и покос – все веселее время проходит.

До свидания! Будьте здоровы и счастливы...

Яковлев Леонид Игнатьевич

4 января 2001 года.

Мне уже 78 лет.

Фидрих Леонид Игнатьевич

Стихи

Стишки писнуть, пожалуй, всякий может...

(С. Есенин)

26.07.60г. 2см.

Сад ты мой домашний -
Я тебя садил,
Конечно же, не в юности-
Уже взрослым был.
 Теперь ты взрослый,
 А я перезрел,
 А ведь в годы прошлые
 Много я хотел.
Мало мне досталось
Радости, веселья
Как то все промчалось,
Будто бы с похмелья.
 Чаще вспоминая
 Молодость свою,
 И не понимаю -
 Почему пою.
Песни молодые,
Полные любви
Годы удалые,
Куда делись Вы?

12.07.60г. 3см.

Ты любовалась рекою
Летней, вечерней порой
Рядом стоя, не скрою,
Я любовался тобой.
Тихо волною играла
Широка, могуча река,
Нас она не замечала ...

Я иду тайгою,
Солнце в вышине
Луч прямой бросает,
Душно как во сне.
 Вышел на поляну,
 Знойный аромат,
 И куда ни взгляну-
 Всюду душный чад.

Но хотя и душно,
Так на первый взгляд-
Пчелки-невидимки
Где-то здесь гудят.
 Вся в цветах поляна
 Пестрит, как ковер
 И трещит кузнечик,
 Крылышки простер.

Рядом поет птичка-
Видно от души
По цветам порхает-
Они так хороши.
 Я стою - люблюсь,
 Этой красотой,
 Чувствую, не зря же,
 Нынче выходной!

Что за прелесть летом!
Красота простор!
Оценить лишь может
Бывалый шахтер.

* * *

На лесной опушке
Березка стоит
Ветвями качает
Листьями шумит.

Белая береза-
Очень хороша,
Кудрявой девицей
Выглядит она.

Станешь и посмотришь,
Картинка- краса,
И в ветвях зеленых
Птичьи голоса.

Кто идет – любитесь
Этой красотой,
А весною ранней-
Была ведь не такой?

Я стою, люблюсь-
Воздух так чист,
Серебром играет
Молодой лист.

Приятная картина-
Только не пойму,
Отчего нагнала
На меня тоску.

* * *

Летние ночки, лунные, синие,
Наверное, на свете красивее нет.
Звездочки алмазные, своим мерцанием
Шлют с высоты любовный привет.

Хорошо в эту пору с девушкой милой,
По саду пройтись, погулять,
Чтобы никто не мешал счастью-
Все друг - другу отдать.

02.03.1959г.

Хорошо в лесу
Раннею порою-
В овраге снег лежит
Серой полосой.

Солнце светит с высоты
На снегу сверкая-
Птичка весело поет
Весну встречая.

Кто-то зайца спугнул-
Мимо нас промчался
И приметный след его
На снегу остался.

* * *

До чего приятен,
Черемухи цвет-
Это есть нежный
От весны привет.

Соловей малышка,
Сидит в кусту,
Рассыпая трели
В ночную тишину.

Ему вторит эхо,
Где-то далеко-
Воздух ароматный,
Дышится легко.

Не могу представить-
Есть ли где милей,
Вечера весенни
И наш соловей?

08.01.1960г.

Чувства мои к тебе остыли-
Не знаю, куда делись они?
Похоже, о них мы забыли,
Как о ненастье в ясные дни.

Теперь ничего меня не печалит,
И не горит желаньем душа-
Свиданий с тобой не желает
И ты не так хороша.

Прошли годы, пылкие годы-
В природе всему есть конец.
Любовь налетает, как вешние воды,
Пока не оденет любовный венец.

Любовь в разгаре,
Утолены страсти –
Чего больше можно ждать?

* * *

**Осень 1958г.
Люкогрузчица.**

Что за девица у Вас?
Свежа, да румяна?
Я ответил ему:
«Шорочка с Калтана».

Кто у Вас грузит уголь?
Спрошу тебя прямо:
«Это есть как раз она
Шорочка с Калтана».

И с улыбкой всегда,
Глаза – два каштана
И собой хороша
Шорочка с Калтана.

Поздно спать она ложится,
Вставать нужно рано –
Это все ей нипочем
Шорочке с Калтана.

2006г. 19.10.2006г.

Я признаться, не видал
Красивее стана,
Как у этой, что зовут,
Шорочкой с Калтана.
За тайгой солнце встает,
Туман из куйгана –
Через гору идет пешком
Шорочка с Калтана.

* * *

Я иду тайгою
Летнею порой.
Не спеша, тропую,
Нынче выходной.
После шахты шумной,
Сырой и угрюмой
Эх! Тайга красавица!
Прими горняка!
Пусть тобой любитесь,
Может и целуется,
Добром тебя помянет,
Поверь, наверняка!
Она улыбается, красой величавой,
Все кругом тихо, никто не шумит.
Пройдись, прогуляйся, хочешь раздевайся –
Никто тебя не тронет, тайга говорит.
Воздух такой свежий! Дышишь ароматом!
Красота кругом! Словом не сказать!
Никто тебя не кроет - по шахтерски, матом,
А тайга все лучшее хочет показать.

Зсм. 23.02.1959г.

Посмотреть в глаза подруги
Захотелось, как то мне,
И спросить не позабыла ль,
Как гуляли при луне?

Под черемухой сидели,
Целую ночку напролет,
А черемушка вся бела –
Аромат от нее идет.

Ночка мигом пролетела –
Тише, тише ветер вей –
Не тряхни, ты, нашу ветку
На которой соловей.

Пусть еще поет немножко,
Занялась уже заря,
До свидания мила пташка –
Нам домой уже пора.

Мы пошли из лесу тихо –
Под ногами мокрый мох,
А соловей все пел на ветке:
«Тех, тех, тех».

* * *

Девушка, милая,
Что же ты грустишь?
Любовью утомленная-
От того молчишь?

Вспоминаешь времечко
Полное любви?
Которое синим облачком
Проплыло в дали.

Не грусти милая,
Время все сотрет,
Радостью согретая,
Любовь вновь придет.

Пронесутся годы
В вековую даль,
Как весенние воды,
Уплывет печаль.

Останется в сердце,
Только лишь любовь,
И кого любила,
Может вспомнишь вновь.

* * *

Я стою и вижу – предо мной равнина,
По ней протянулась лентою река.
За рекой виднеются далекие горы –
На вершинах белеют снега.

На равнине поле, черным покрывалом,
Растянулось прямо, до самой реки.
Трактора по полю, ходят друг за другом –
Словно играют они в догонки.

* * *

Девушка, милая,
Выйди на часок –
Пойдем прогуляемся
В соседний лесок.

А в лесу соловушка -
Песенки поет,
Наверно свою милую,
На свидание зовет.

Мы пойдем, послушаем,
Нежный голосок –
Словно околдованный
Слушает лесок.

Запахи медовые ,
Над лесом плывут –
Луной освещенные,
Черемухи цветут.

Под песни соловьиные,
Под запахи цветов –
Будем разговаривать,
С тобой про любовь.
 Этот лунный вечер,
 Лес и соловей –
 Пронесешь по жизни
 Ты в груди своей.

* * *

21.09.1959г.

Где ты милая девушка,
Где ты нежный цвет?
Давно тебя не вижу –
Покоя сердцу нет.
 Может живешь весело,
 И жизнь полна твоя-
 Радостями, сладостями,
 Любовью и огня?
Счастье улыбается
На всем твоём пути,
На тебя любитесь –
Счастливей не найти.
 Может быть печали
 Теснят твою грудь?
 И ночами длинными
 Не можешь уснуть?
Все тебе грезится
Образ молодца,
Что тебя проваживал
До Вашего крыльца.
 И обнявшись рядышком –
 Словно один ком,
 Сидели – ты пела
 Поздно вечерком.
Лилась тихо песня,

Про верную любовь,
Про гвоздику алую,
И дугою бровь.
 Он любовался,
 Голосом твоим –
 Душою поднимался,
 Куда-то вверх, в дым.

* * *

Зсм. 18.03.1959г.

Детство мое, детство –
Милая пора –
За коровьим стадом,
Меня пронесла.
 Много недоспато
 Утренней зари,
 Сколько перед вечером
 Кусали комары.
Во всякую погоду –
Почти нагишом,
Бегал за стадом
Всегда босиком.
 С тучи гром грянет –
 И польют ручьи –
 Скорчившись под кустиком,
 Сиди и молчи.
Жаловаться некому,
Да и на кого –
У других родители,
У меня никого.
 Зато я свободен –
 Играй, веселись,
 Никто не крикнет:
 «Иди спать ложись»
Летние, теплые ночки,
До самого утра –

Сидим на заборе
У чужого двора.

Если б кто предложил –
Другое детство мне,
Сказал бы: «Не надо,
Я счастлив вполне!».

* * *

Выйдешь на гору –
Посмотри вокруг!
В вечернюю пору –
Красиво мой друг!

Солнышко село,
За горизонт_
Темнота несмело
Тянет черный зонт.

Первые звезды,
На небе блестят –
В озере тихом
Дно серебрят.

Вечера летнего –
Краше нет!
Друга милого –
Нежный привет!

* * *

Ильюшину Николаю 40-я лава 19.12.1958г.

Моторист Коля,
Есть у нас такой –
Работы не боится,
Словом, удалой.

Ему все охото –
Каждому помочь,
Сидеть без дела –
Ему не в мочь.

Если нет напарника,

Забойщику одному –
Он просит: «Мастер,
Пойду помогу?»

«Иди поработай»,
Мастер говорит,
«Не разевай рот –
Может ушибить».

И рубает уголь –
Этот моторист,
С молотком сольется –
Только держись!
С ФЗО, не вышел,
Этот паренек –
А какой послушный
В руках молоток.

Я стою, любуюсь
Этим пареньком –
Видно, что он будет
Хорошим горняком.

* * *

19.02.1959г.

Летнюю ночь все восхваляют,
Но присмотритесь к зимней ночи –
В ней Вы найдете много чудесного,
Такого прекрасного для Вашей души.
Ночь. Тишина, где-то гул отдаленный,
Да снег под ногами скрипит –
Рядом с дорогой, как околдованный –
Инеем укрытый тополь стоит.

Небо зеленое, чистое, светлое
Нет ни тучки на нем –
Только звездочки рассыпаны
Золотым песком.

Полная луна по небу гуляет,
Бросая на снег холодные лучи.
Снег серебристый блестит и сверкает –
Красивей картины Вам не найти.

* * *

Бархатом румяным
Подернуло Восток.
Зверем разъяренным
Заревел гудок.

Проснулись жены –
Будят мужиков:
«Вставайте на работу –
Завтрак уж готов».

Охая, зевая,
Поднялся горняк –
Добрая хозяйка
Подает коньяк.

На похмелье выпив –
Легче на душе –
И походкой грузной
Вышел на шоссе.

* * *

Ты мне звонила?
Спасибо за это –
Этим напомнила
Прошное лето.

Те два бурных года,
Полные любви –
Точно белы лебеди
По озеру прошли.

Остались только,
Одни воспоминания –
О ночах лунных,
Да жарких свиданиях.

Соловей-пташка,
По своему поет-
А цветок-ромашка
В поле растет.

Всему свое место,
Всему свой срок –
Но любовь не тесто-
Не испечь пирог.

Она не подвластна
Даже уму –
Только сердце бьется,
От чего не пойму?

* * *

Сегодня почему-то,
Размечтался я –
Как когда-то в детстве,
Жизнь моя текла.

Каждое лето,
Пас коров –
Ноги были босы,
А я сам здоров.

Никогда много,
Ночью я не спал –
Из лесу дрова возил
И не уставал.

Детские годы,
Милая пора –
Мне подчинялась
Вся наша детвора.

Июльской ночью
На сене лежать,
На звезды смотреть,
О будущем мечтать.

Мы мечтали – в жизни
Не трутнями быть,
Иногда любили
В огородах шалить.

Ах друзья лихие,
Детские друзья!

Время золотое –
Не вернуть тебя.
 Да, друзья, друзья –
 Где же Вы теперь?
 Не открыть закрытую
 Детства дверь.

Многие погибли,
От пули врага –
Кого приютила,
Холодна Колыма.
 Сам же я, стал горняком
 И всех вспоминаю,
 Идя вечерком.

По родной Елбани,
Где детство прошло-
Не пройти нам вместе-
Быльем поросло.

* * *

Осень 1958 года.

С мастера меня сегодня сняли,
За то, что не знал, как премию начислять,
А эту премию, как видно
Нам в этой лаве не видать.
 И вот, сегодня я в забое,
 Рубаю уголь молотком –
 Чувствую себя прекрасно
 И не жалею ни о чем.

Быть может, кто боится
Лопаты, лавы, молотка –
А мне, бывалому шахтеру –
И смена коротка.

Первый снег 1958 г.

Подошел к телефону,
Передать наряд.
«Ваш участок занят»-
С «гора» говорят.
 Голос такой милый,
 Нежный и простой –
 Говорит мне в трубку:
 «Немножко постой».

Я спросил: «Милашка,
Какая погода у Вас»?
Она отвечала:
«Снег идет сейчас».
 Погода хороша,
 Скажу от души
 Снежок такой белый -
 Хоть играй в снежки.

А если лапки, отморозишь ты?
Я на лапки обую пимы.
А на руки – рукавицы есть
Саму меня должен ты согреть.
 Я ее не знаю,
 Ее не видать –
 Только и сказала:
 «Меня Надей звать»

Чьи слова не знаю, только не мои.

Жизнь свою поймет, увы, не каждый
В жизни нужно много пережить –
Ошибаться можно, но не дважды,
А, иначе можно и не жить.
 Жизнь скучна, пуста, не интересна –
 Если не сумеешь полюбить.
 Полюбить от всей души и честно,
 Только другу преданному быть.

* * *

Хорошая погода,
Нечего сказать,
Сердце сильно бьется
И хочет рассказать.
 Не молчи, ты сердце,
 Не ищи тиши,
 На любой работе
 Не прячусь в кусты.
Не страшна мне кровля,
Не страшен колчедан
Не страшна и лава,
Хоть и вертикал.
 Не в мягкой постели
 Детство прошло –
 За коровьим стадом
 Оно проползло.
Все изведаль:
Бурю, дождь, грозу -
О детстве своем жутком
После расскажу.

* * *

Нежный такой голос,
Слышен мне сейчас-
Охотно говорите,
А я не знаю Вас.
 Может Вы красивы,
 Может быть и нет –
 У кого спросить,
 Кто мне даст ответ.

**18.10.48г. исправлено на 58г.
В 48-м я еще не писал.**

Как он не заманчив,
Как он не красив!
Покинуть берег
Не хватило сил.
И решил я твердо –
Туда не глядеть –
Дурь всю выгнать,
Больше не болеть.
 Ой, Вы бурные реки!
 Чудные берега!
 Славное раздолье!
 Зеленые луга!
Многих погубила
Ваша красота,
Кого приласкала
И свела с ума.
 Я же не решился
 Туда плыть-
 Бурная река
 Может погубить.
Бабы очень милы,
Но своя милей,
Девка тоже хороша,
Да мало пользы в ней.
* * *
Лунная ночка, звезды алмазные,
Смотрят – смеются на нас с высоты,
Кажется, все такое влюбленное
Шепчется в этой, чудной тиши.
 Ночки летние, в зимнюю стужу
 Вас вспоминаешь, как добрый сон –
 Это все очень дорого,
 Для того, кто был влюблен.

* * *

Если встретишь юношу –
Подвыпивший, поет –
Не смейтесь над ним девушки –
Это горняк идет.
 Может Вам покажется –
 Это жулик, вор.
 Не бойтесь его, девушки –
 Это молодой шахтер!

Он такой развязный
И чуть-чуть хмельной,
Вы ему простите –
Нынче выходной.
 Он вчера на славу,
 Брал «по уходу штрек» –
 А сегодня в забаву,
 И выпить не грех.

* * *

Встретил я дивчину,
Как-то раз одну –
Она мне сказала,
Что больше не приду.
 При встрече с тобою –
 Не волнует кровь,
 И я позабыла
 Про нашу любовь.
Я прошу тебя –
Позабудь меня,
И не рассказывай,
Как любил тогда.
 Я хочу одна
 Средь людей гулять –
 Свету поглядеть,
 Себя показать.

Чтоб никто меня
Не спрашивал,
Где и с кем была,
Кто проваживал.
 Так сказала мне
 Девушка-душа –
 Не для тебя теперь
 Завита коса.

* * *

Зсм. 15.07.1959г.

По прежнему светит луна,
По старому расцвел сад –
Только не ждет она,
Как было два года назад.
 Часто меня ожидала,
 В нашем шахтерском саду,
 От страсти-волненья дрожала,
 С думой, что я не приду.
Я приходил и в объятья,
С жаром бросалась она –
Нежно целуя, шептала:
«Я не могу без тебя».
 Может сказала в шутку,
 Может быть и всерьез –
 Вспоминая эту минутку
 Почему-то обидно до слез.
Не обидно за то, что другого
Ожидает теперь горняка,
На свете женщин так много –
Да молодость так коротка.

**(Это мне приснилось
с 19 на 20 февраля 2001 года)**

А время на месте не пляшет,
Приближая вечный покой –
И Зоя все реже машет
Мне с юности белой рукой.

* * *

18.07.1959г.

После смены я иду
Походкою шаткой –
И на садик я гляжу
С какой то укладкой.

Здесь знакома мне
Тополь и калина –
Вспоминаю, как во сне –
Ждет меня дивчина.

Хороша она собой –
Чуть-чуть горделива:
«Я давно жду тебя» -
Сказала шутливо.

Ахи, охи поплывут,
Тихо над ветвями
Тучки медленно плывут,
По под небесами.

Из-за туч иногда –
Луна улыбнется,
И ее лучи тогда,
Серебром прольются.

По листве, по траве,
И по всему саду –
Отдаются красоте -
Юности в награду.

1 см. 09.09.1960г.

Как-то раз в выходной,
Летнею порою,
Занесло меня с тобой –
На луг за рекою.

Свеже скошена трава,
Запах ароматный,
Берез зеленая листва –
Взору, так приятны.

Тихо озеро блестит –
И не шелохнется,
Сколько тайн в себе хранит –
И над кем смеется?

Про нас тоже сохрани –
В жизни все бывает:
Летние, милые дни –
Кто же их не знает?

Еле веет ветерок,
Свежестью играет,
А подружку дружек
Крепче обнимает.

Снится время молодое –
Назад не вернется –
Пролетело, как шальное,
А теперь смеется.

* * *

3 см. 05.03.1960г.

Про 61-ю лаву.

Вспоминаю я лаву со страхом –
Не лава, а просто жуть –
На языке горняцком, такие,
«Гроб с музыкой», часто зовут.

Крутая, колчедан висячий,
А кровля – все в куполах,
Там такие решали задачи,

Что сейчас берет меня страх.
Однажды лаву давило –
Стон и грохот по лаве стоял,
И надо ж было на диво –
Я дивчину здесь повстречал.
Она совсем не боялась –
Не пугал ее грохот и шум,
И не знаю, чему улыбалась –
Будто черт был ей кум.
И надо ж было влюбиться –
В эти смелые, чудны глаза –
Голова и сейчас кружится,
До чего она хороша.

* * *

2см. 24.05.1960г.

Полная луна светит –
Золотит травяной ковер,
Да, кто ее не заметит –
Тем боле усталый шахтер.
Взглянет милей на подругу,
Откроет ей душу до дна –
Взаимно целуя друг друга –
Любовная песня одна.
Поется она не словами,
Не сложена пылким умом –
Слагают сердца ее сами,
И беззвучно поют вдвоем.

* * *

2см. 15.04.1960г.

Спать не хотелось –
Вышел на крыльцо,
В уме все вертелось
Милое лицо.
Ночной вечер тихий,

Ласковый такой –
Может быть скажет,
Где найти покой?
Эти лунны ночи,
Где мне провести?
Ее милы очи,
Где мне найти?
Куда повернуться?
Где ее искать?
Не к кому прижаться –
Некого прижать.
Ветер не ответил,
И совет не дал,
Сам не заметил –
Сколько я прождал?
Вижу, что напрасно –
Волнуется грудь –
Хочется ужасно
В молодость нырнуть.

* * *

1см. 27.04.1960г.

Зал музыкой залит,
Духовой играет –
Молодежь вокруг стоит –
Так подбирает.
Вот танцуют бальный вальс:
Плавно и красиво –
Кружат пары, веселясь,
И несутся мимо.
За парой – пара в ряд,
Незнакомы лица –
Как красив их наряд!
Молодость резвится.
Панбархат, шелк, бостон
И прочее в этом роде:

Модны туфли, капрон –
По последней моде.
Размечтался я, стою,
Даже жутко стало –
Вспомнил молодость свою –
Не вернешь – пропало.
Друг толкнул меня в бок:
«Что ты зажурывся?
Зеленый вспомнил платок,
Что по ветру вился?»

Да, платок когда-то был –
Зеленый шелковый –
Как его я любил!
На локонах знакомых.

Выцвел давно уж платок,
Выносились платья,
А годы все идут – идут,
Что родные братья.

Хотя в душе, пока еще,
Молодость играет,
А жизнь, стараясь, на лице
Морщины собирает.

Пойдем дружек полбанки выпьем,
Обнимем крепче наших жен –
Танцам я не обучен,
И ты здесь, кажется, чужой.

* * *

3см. 14.05.60г.

Встретил я друга однажды –
Не виделись с юных лет,
А юность не приходит дважды –
Не жди, не вернется, нет.

Сели за стол, вспоминая,
Прожитые годы свои –
Да, жизнь стала иная –

Не то, что в годы войны.
Долго сидели, болтая,
Что было, и кто где сейчас –
Альбом тихо листая:
«Смотри, чуть прищурен глаз».
Вот она, наша девица –
Где, и как живет,
Как прежде – все так же вертится?
И как прежде поет?
Долго смотрели, любуясь
На пышную ее косу,
На ушедшую молодость
И былую, когда-то красу.

* * *

1см. 19.05.1960г.

Вьется лентою дорога –
Уходя куда-то вдаль –
Эх ты, милая недотрога –
Ничего сейчас не жаль.
Ни себя и ни машины,
Ни прожитые года,
Ни красавицы дивчины,
Ожидавшей у пруда.

Ожидала, да исчезла,
И не знаю, где, когда?
Почему-то в душу влезла
И, как видно, навсегда.

Хватит стонов – дайка жизни,
Развернись моя душа –
Все, что можно с мотора выжмем,
Радость жизни так хороша!

Посмотри вокруг на поле,
На зеленые луга,
На речное раздолье
И скалистые берега.

Все так молодо и мило:

Зелень, свежесть и цветы –
Словно пролито белило –
Цветут черемухи кусты.

Под черемушкой присядем –
Эх, подруга, наливай,
Первой рюмочкой помянем
Пролетевший давно май.

Пей, подруга, не стесняйся –
Это лучшее вино,
И всецело отдавайся,
Что природой суждено.

Позабудь дневные невзгоды,
И что в жизни не везет –
Пусть яснеют небосводы,
Луна полная взойдет.

Посмотри, моя подруга,
Вся краса у твоих ног –
Любовалась здесь другая,
Но назвать ее не мог.

* * *

2см. 26.09.1960г.

Теплой летнею порою,
Лунная ночь была.
Мы стояли с тобою
У дома, где ты жила.

Ты была добра и мила,
Все отдавала мне –
От счастья сладко было,
И был я как во сне.

Но настало другое время,
И другому светит звезда –
Дорогое, когда-то имя,
Ушло от меня навсегда.

И все чаще теперь вспоминаю,
Наше время с тобой,

И в мыслях тебя провожаю,
Той далекой, но милой тропой.

* * *

28.04.1961г.

Мое желание.

Я хотел бы очутиться с тобою,
Под зеленой, кудрявой сосной,
И, конечно тебя обнимать,
Крепко-крепко тебя целовать.

Чтобы нежно луна светила,
Пробираясь между ветвей,
И, конечно, нежно и мило –
Песни чудные пел соловей.

Чтобы ты любовалась цветами,
Освещенные полной луной,
И уста шептали сами:
«Хорошо любимый с тобой»

Чтобы нежный черемухи запах,
Тихо-тихо в воздухе плыл,
И от сладостных твоих ахов –
В глазах радость и счастье ловил.

Эти запахи, цветы и травы,
Дышали полной грудью весны,
И, наверное, были правы,
Давней юности милые сны.

А вечер, чтобы был хороший,
И тихо-тихо во времени плыл,
А голос твой, нежной порошей –
Вместо «Нет» «Да» говорил.

Чтоб ковер из травы был примятый,
Чтоб головки склоняли цветы,
Чтобы голосом нежным, приятным,
Пела чудные песенки ты.

Так немного я желаю,
От тебя, мой юный цветок,

И прекрасно все понимаю,
Что судья в исполненьях жесток.

* * *

2см. 01.10.1960г.

Почему то все чаще грущу я?
Словно коркой покрыта душа,
Будто, что - то недоброе чую,
И жизнь не так хороша.

Видно в жизни, так уж ведется,
Коль придется порою взгрустнуть,
То сейчас же назад оглянешься,
На пройденный жизненный путь.

Вспомнишь все, что хорошего было,
Что носило на крыльях тебя,
Хоть оно не вернется, уплыло,
А душе поддаст жизни, огня.

Вспоминается мила дивчина,
Что душой моей жизни была-
Может быть эта причина,
До грусти сейчас довела?

* * *

3см. 08 10.1960г.

Сегодня мой лучший друг,
Кольнул меня такой речугой,
Что, дескать, я провел досуг,
С твоею бывшею подругой.

Что, дескать, она хороша,
И, даже, более - приятна,
Короче, девица-душа,
И в остальном опрятна.

Это не ново для меня -
Прекрасно все ты знаешь,
И жар девичьего огня -
На бабий не сменяешь.

Так что с усмешкой не гляди -
Меня не испугать,
И что осталось позади -
Не надо вспоминать.

* * *

1см. 10.10.1960г.

С работы я иду пешком -
Техники не признаю,
Люблю пройтись я холодком
По дороге, с краю.

Посмотреть все вокруг,
Воздух такой свежий,
И луны, неровный круг,
Светом своим нежит.

Полной грудью вздохнешь -
Красота какая!

И, невольно, вспомянешь,
Где она, родная?

В такие ночи я любил
Милой любоваться,
И теперь их не забыл -
Часто они снятся.

Вот прорежет тишину

Песня молодая -

Или сам я затаю,

Юность вспоминая.

Повстречаешь иногда

Запоздалую пару-

И, конечно же, тогда

Поддаст душе жару.

Милей станет все вокруг,

Даже стары хаты,

Позабудешь и о том,

Что давно женатый.

Потому иду пешком –
Не сажусь в машину,
Чтобы чаще огоньком,
Подгоняло в спину.

* * *

30.09.1960г. 2 см.

Воспоминания нынче наплыли
И зачем явились они?
Показать, как прекрасны были
Дни полные любви.

Когда молодость вместе с любовью,
Бурлила в душе через край,
И работа брызгала новью
И в жизни видел я рай.

Когда лава предо мною стонала,
А уголь лился рекой –
И гремела горняцкая слава
Нарушая девичий покой.

Да, те лавы давно позабыты,
И я сам уже присмирел,
Но стойки, когда-то забитые,
Держали кровлю в любой передел.

* * *

6.12.1960г. 2см.

Не верю.

Какая ты милая, родная,
Стоишь сейчас предо мной –
И не верится, что ты чужая,
И я далеко не твой.

Не верится даже такое,
Что эти раскосы глаза,
Так много виновны в покое –
Ушли от меня навсегда.

Что губы целуют другого,

Жаром и страстью горя,
И будто нашла ты - другого
Нежней и милее меня.

Не верю, что все позабыла,
Лунные ночи в лесу,
Черемухи запах и вина
Распитые в эту красу.

Не верю, что сердце не ноет,
Не верю, что можно забыть,
Того, кто душу откроет,
И жаждует дальше любить.

Не верится много на свете -
На деле же, часто так –
Ожидаешь с хорошим приветом,
А видишь у носа кулак.

* * *

21.10.1960г.

Как стих я не пишу,
Как ни слагаю,
Ничего я не ищу –
Жизнь вспоминаю.

Как прошло детство мое,
А потом и юность,
Где жизнь взяла свое,
А где и споткнулась.

Детства, как такого –
Я его не знаю,
С малых лет
Цену труду знаю.

Знаю, что такое сон,
Летом на рассвете –
Он не может быть сравнен
Ни с чем на свете.

Но зато, при луне,
Летнею порою,

Легко дышится мне,
Как перед грозой.
Если милая порой,
Тихо любовалась –
Не владею я собой,
Нежно прижималась.

* * *

**23.12.1960г. 3 см.
Шахтерскому франту.**

Не хвались, слизь, сапогами,
И с презреньем на чунь не гляди –
Эти чуни давно служили,
У них много заслуг позади.
Пусть они выглядят скучно,
И, порой, воды зачерпнуть могу,
Но ходить в них много лучше,
Чем в хваленном твоём сапогу.

Ты, всего лишь, первые носишь,
Я же – сотни их истаскал.
Придет время, и ты вспомнишь,
Что был прав, горняцкий шакал!

* * *

Осень 1958 год.

Повстречал я дивчину,
Что любил давно,
Сердце вдруг забилося,
Впрочем - все равно.
Не моя она теперь,
И я ей никто.
Вспоминает ли,
Что было давно.

Наверное - забыла,
Как тогда любила,
Похоже, как в сказке –
«Руслан и Людмила».

Я же не забуду,
Эти темные ночи,
До сих пор мне сняться,
Ее карие очи.

С жаром вспоминаю
Прошлые года,
Любовь меня носила,
На крыльях тогда.

Что же я тоскую?
Где моя отрада?
Коль меня не любит –
Ну и пусть, не надо.

Потеряешь – не горюй,
А найдешь - не радуйся,
Коль не любит – не тоскуй,
А влюбляйся вновь!

* * *

Мне приснилось время иное,
Когда я был влюблен,
В ту, что на свете,
Казалось, нет лучше имен.

Про любовь говорят – это чаша,
Наполнена таким веществом,
Его нет в жизни краше –
Зовется любовным вином!

Любовное вино, конечно,
В бокал его не льют,
Вино это – сердечно,
И сердцем его только пьют!

Такие любовные чувства,
Относятся лишь к одной,
Таких на земле не густо,
Что звала меня «дорогой».

Тогда - то любовные чувства,
Лились порой через край,

Время летит незаметно,
Но в жизни видел я рай!

* * *

2.07.1959г. 2см.

Вот он снова предо мною –
Заваленный старый штрек,
Где когда то рядом со мною,
Был любимый человек.

Где родилась любовь в лаве
Чиста, нежна и проста,
Здесь работал я, и славе
Точно мальчик поддался.

Здесь лилась веселая песня,
Про удалых и лихих,
И было грусти тесно,
От тех шуток молодых.

И взгрустнув немного,
У вагона я стоял.
И старательной рукою
Ее имя написал.

Где она теперь, не знаю –
Этот шахтерский цветок,
Лишь порой вспоминаю
Ее милый голосок.

Может быть, кто рассудит
Наш шахтерский роман.
И, верно, бубнить будет,
Что любовь – это обман.

* * *

24.07.1959г. 1см.

Писать красиво не умею,
И разве дело в красоте,
Что в душе своей имею –
Выкладываю на листе.

Воспоминанья и мечтанья,
Что было и не было –
Все пишу я без стеснения,
Про то, что мимо проплыло.

В жизни мало роз я видел,
А все больше лебеду,
От того и ненавижу
Слащавую красоту.

И на вещи смотрю просто,
Не удивляюсь ничему,
И, где нужно, я упрямо,
Никогда не замолчу.

* * *

29.04.1960г. 1см.

Скоро сад зацветет
Под теплыми лучами.
Соловей запоеет
Лунными ночами.

Хорошо быть в лесу
С милою подругой,
Любоваться на косу
На груди упругой.

А черемушка цветет,
Веет ароматом.
Нас к себе она зовет
Вечерним закатом.

* * *

11.03.1960г. 1см.

Настроение очень плохое,
И не видно ему конца –
Быть может, что - то другое,
Стряхнет грусть с лица.

Развеет, по долам схоронит,
Грустную маску мою,

Печаль моя сразу отступит –
Лишь песню о дружбе спою.
Спою про веселую юность,
Про любимых, когда то, девчат,
Про летнюю тихую лунность,
Где двое о чем- то молчат.

Да, и Вы молчите, прошлые годы,
Вас теперь никто не поймет,
И, как прежде, в весенние мутные воды –
Без разбору никто не нырнет.

* * *

20.06.1960г. 3 см.

Какая ты чахлая стала,
Не на что даже глядеть,
От вольности, видно устала,
Все жаждешь больше иметь.

О нежности ты позабыла,
Готовая дать кобелю,
Подобно суке выла,
И каждому шепчешь «люблю».

Напрасно радости ищешь,
Теперь уже ей не прийти,
Ветер в душе твоей свищет,
И друга тебе не найти.

* * *

01.04.1960г. 1 см.

Выйди на улицу,
Я жду тебя,
Звездочку-странницу
Страстно любя.

Выйди красавица,
Тоску развей,
Сердце волнуется –
Бьется живей!

Сядем под вишнею,
Тихо в тени,
Песню вчерашнюю
Спой, не тяни.

* * *

27/07/1960г. 2см.

Давно забыта старая лава,
Где была добыта горняцкая слава.
Когда по два плана в смену давали,
И «первую тройку» дружно выбивали.

Меня тогда звали –
«угля богатырь»,
Ибо был удалый -
Твердый бригадир.

Теперь уж другие
Лавы нарезают –
Хлопцы молодые
Славу добывают.

Я же не остыл –
Только присмирел,
Уже не та работа,
И не тот напев.

Сейчас по другому -
Уголек дают,
И по иному -
Славу воздают.

* * *

22.07.1959г.

Снова еду я с тобою,
Снова ты со мной сидишь –
И на прежнюю дорогу
Без различия глядишь.

Жар душевный растеряла,
Научилась ты всему,

И с усмешкою сказала:
«Я не нравлюсь никому».
Может быть, с тобой согласен,
Только хочется сказать:
«Не шути, вопрос ясен –
Лучше было бы молчать».

А дорога дальше вьется,
Убегая лентой в даль,
И душа опять смеется –
Ничего сейчас не жаль.

И не жаль того, что было,
От чего болела грудь
Жизни время затянуло
Давней юности путь.

* * *

27.07.1959г. 1см.

Ты не щурь глаза лукаво,
И с усмешкой не гляди.
У тебя уж нету права –
Оно осталось позади.

Остались лишь воспоминанья
Сладких встреч и минут,
И сердечные признанья,
От которых болит грудь.

И от тех воспоминаний,
И от жарких встреч всегда
Сердце радостно забьется,
Словно в прошлые года.

Когда ты была моею –
Моложе и красивей,
Даже высказать не смею –
«То был чудный соловей».

Пела песни про разлуку,
Пела ты и про любовь,
А порою и про шутку,
Что волнует мужскую кровь.

12.12.1961г. 141 лава.

Так было, так есть,
Да так оно и будет,
А кто любил всей душой –
Вовек не забудет.

Любовь с годами не уйдет,
И душу не бросит,
А все шире растет
И простору просит.

И напрасно порой,
Силишься забыться
Произвольно, боже мой,
Ночью вдруг приснится.

И опять растет любовь,
Розой расцветает,
И вскинешь кверху бровь –
Пусть себе играет!

Милей сразу станет жизнь –
Шахта и работа,
И если влюбишься порой –
Аж плясать охота.

* * *

Давно было – в юность твою,
Ты любовное семя носила,
И не знаю, зачем, в душу мою
Мимоходом его обронила.

А затем, чтобы семя росло –
Ты душою его согревала,
Ты влюбилась, и чувство росло –
Ты любовью его питала.

Пышной розой теперь расцвела любовь –
Из семени, что ты садила,
Но недолго в тебе играла кровь –
О нем ты вскоре позабыла.

Я же этот цветок берегу –
Он душу мне согревает,
И одно понять не могу –
От чего у людей так бывает...

* * *

28.11.1961г. 1см.

Этому старому штреку,
Где ты, когда то прошла,
Я кланяюсь, как человеку –
Здесь юность моя расцвела.
Влюбленный до дури в работу –
Я позабыл обо всем,
Лишь ты проявила заботу –
Наполнила сердце огнем.

И в этом угрюмом забое,
Где слышны одни матерки –
Проснулось что - то живое
Любви зажглись огоньки.

Мы видели, как расцветала,
Черемушка в нашем саду
И птичка в ней щебетала,
Славя эту красу.

Мы видели ранней весной –
Залиты цветами луга,
И где за широкой рекою
Стоит вековая тайга.

Мы ночью в реке купались,
Смотрела сверху луна,
И нежно с нами ласкалась
Бежавшая мимо волна.

Мы видели, как бежали
Шумливые с гор ручьи,
И милою песней встречали
Ранней весной соловьи.

И нежно луна нам светила,
Пробираясь между ветвей,
И песня нас дальше манила,
Которую пел соловей.

Теперь все изменилось –
Упал с черемухи цвет,
И сердце напрасно не билось –
Остался глубокий след.

От того и старому штреку,
Где вместе судьба нас свела,
Я кланяюсь, как человеку –
Хоть юность уже отцвела.

* * *

20.11.1961г. 1см.

Письмо.

Вспоминаю летние ночи,
Проведенные с тобой в лесу,
Лучистые милые очи,
Пышную русу косу
И все, что с нами было,
О чем мечтали вдвоем –
За годы, время смыло
Бегущим ручьем в водоем.

Но вот ты опять предо мною,
Как прежде, собой хороша,
И снова бьется волною
Сердце и пляшет душа.

За этим скажу: «До свиданья –
Увядший букет не дарят,
И верю – за эти признанья
Чувства у Вас не взбурлят.

18.12.1961г. 1см. 141 лава.

Ты сидела предо мною –
Хоть была ты и грустна –
Любовался я тобою,
А в душе была весна.

И твоя ко мне суровость,
И довольно резкий взгляд,
Для меня теперь не новость –
Ведь глаза все говорят.

Все я вижу, понимаю,
Что тебя уж не вернуть,
И, поверь, тебе желаю –
Розами усталанный путь.

И скажу Вам без стеснения –
Очень счастлив бы я был,
Чтоб с таким вот вдохновеньем –
Вечно муж тебя любил.

* * *

20.12.1961г. 1см.

Пусть черемушка цветет,
Расцветают розы –
Никогда уж не пройдет
Юность у березы.

Где встречала рассвет
Влюбленная пара,
Позабывшая весь свет –
Пела лишь гитара.

Пела нежно про любовь
И про летние ночи,
Где горячая кровь
И смеются очи.

2.01.1962г. 2см.

Ты хочешь знать? О да, конечно,
Как я встретил Новый год –
Так скажу, тебе – беспечно –
Хлобыстнув стакан водки в рот.
И заплясало все на свете,
А жизнь веселая пошла,
И все казались в привет –
Да водка, все же, верх взяла.

Потом не помню, как случилось,
Какой у пьянки был конец –
Лишь утро майское приснилось,
Одевши солнечный венец.

Будто птички распевают,
И никак нельзя понять,
Что они еще желают,
Что сказать они хотят.

Вдруг толчек, довольно грубый –
Объяснения не нужны,
Свирепый взгляд, надуты губы –
Вот портрет моей жены.

* * *

4.01.1962г. 2смена 141 лава

Простая фуфайченка,
На ней тогда была
Кофточка, юбченка,
А сама цвела.
Коль цветков хороший,
Хоть в степи растет –
Никакой прохожий
Мимо не пройдет.

И какая сила,
Несмотря на то,
Что порой носила
Старое пальто.

В туфли старомодные
Обута была –
Помню, как сегодня,
Как она мила.

Пухлые щечки,
Как жар горят,
А на щечках ямочки,
И прелестный взгляд.
Простая - до дури,
Хоть и умна,
А с такой фигурой –
Она лишь одна.

* * *

5.01.1962г.

И вот встретились опять –
Через многие годы,
И никак нельзя понять –
Крик новой моды.
Панбархат, шелк и бостон,
И прочее в этом роде,
Модные туфли, капрон
По последней моде.
Конским хвостом торчит,
На затылке волос,
А посмотришь – аж тошнит,
Модно – кричат в голос.
А взглянула бы умней –
На кого похожа,
Обезьяна, подстать к ней,
Безобразна рожа.
И со спинкой юбки шьют –
Воротник стоячий,
А с шарфа такое вьют –
Как у старой клячи.

А меня пускай простят
За прямые взгляды –
Видно догнать хотят
Стиляжьи наряды.

* * *

16.09.1961г. 2 см.

Что ты сердце опять взволнованное,
И так сильно, гонишь кровь –
Хотя время ушло, но осталась
В душе лишь прежняя любовь.
И при встрече с тобою случайно,
И твой вежливый каждый отказ –
Для меня, конечно не тайна,
Почему не поднимешь ты глаз.
Но за это тебя не корю я,
Придет время – сама ты поймешь,
От тебя того не хочу я,
Что из жизни с избытком берешь.

* * *

28.10.1961г. 2см.

От тебя секретов нету –
Ты, Галина, так и знай,
Что стихи корявые эти –
Пролетевший давно май.
Где - то есть еще и розы –
Может быть и отцвели,
И душевные бурные грозы –
Меня к стишкам привели.
И пишу их, вспоминая,
Полет молодой души-
Летевшей к воротам рая,
А севшей, где то в тиши.

* * *

Эх напрасно расставляешь
На меня ты сети –
Ведь прекрасно понимаешь –
Мы уже не дети.

Хочешь, я к тебе приду –
Поразвеять скуку,
И, конечно, я пожму,
Но без жара руку.

А в помощь себе –
Не зови Амура,
Подчиняйся уж судьбе –
Старая ты дура.

* * *

19.10.1961г. 3 см.

По этому старому штреку,
Как прежде вместе идем –
Не слышно уж звонкого смеху,
И сердце не пышет огнем.

Куда же энергия делась?
Где же любовный твой пыл?
Которая в душу въелась,
За что - тебя страстно любил.

За песни твои молодые,
За прелесть юной души,
За косы твои золотые,
За нежную скромность в тиши.

Теперь, похоже, со штреком –
Юность твоя отцвела,
Но только с другим человеком
Судьба Вас вместе свела.

* * *

21.09.1961г.

Да, я люблю, а так ли это,
И что это за любовь,
Когда на нее нет ответа –
Лишь попусту волнуешь кровь.
Но сердцу я благодарен –
За то, что оно,
Бьется часто – может даром,
А любит все равно.

Любовью этой согретый –
Мне мил ее суровый взгляд,
Хоть он и не приветлив –
Для сердца новый заряд.

Сердце любит, но, а если –
Поразмыслить поумней,
Допустить нельзя и мысли,
Чтобы тосковать о ней.

* * *

10.09.1961г. 2 см.

Вспоминаю я денек –
На прошлой неделе,
Когда я Вас катил,
А Вы нежно пели.

Чудной песенкой меня-
Вы так развлекали,
А машина дальше мчит –
В зовущие дали.

Эх, дорога, по горам
Серой лентой вьется –
Все я брошу к ногам –
Пусть душа смеется.

Я люблю такую жизнь,
Я люблю раздолье,
Эх ты, молодость, вернись –

Погуляем в поле.
Пойте девушки веселей –
Песни удалые,
Проведите попопней –
Годы молодые.

В Ваше юное житье –
Много троп нехожено,
А юности отдайте то,
Что жизнью ей положено.

Быстро годы пролетят –
Зрелость идет грозно,
Оглянетесь Вы назад –
Уже будет поздно.

Как ни пышен букет –
Все равно завянет,
Не вернется юность – нет
О Вас не вспомнит.

* * *

06.09.1961г.

С какой когда-то жаждой –
Я ждал уединения с тобой,
И в свободной минуте каждой,
Искал душевный покой.

То было чудное время –
Зрелая юность, любовь,
И милое ее имя –
Встает предо мною вновь.

Встают и такие картины:
Летняя ночь, луна
Озирает горы, долины,
И берег целует волна.

Она же стоит над рекою –
Полная страсти, огня –
Тихо машет рукою –
Манит ближе меня.

Эти из жизни картины –
Забывать никак не могу,
Конечно, они не едины –
Гнездятся в моем мозгу.

* * *

11.07.1961г.

Без движений вновь здесь стою –
Ты кататься со мною училась,
И не сразу себя пойму –
От чего сердце так часто забилося.

Кажется недавно, лишь вчера –
Ты так мило и звонко смеялась,
И в далекие, милые те времена –
Жизнь мне сказкой чудной казалась

.Никогда не спросив: «Люблю ли тебя?» -
И зачем я так сильно влюбился?
Ты лишь жарко порой целовала меня –
И такое не может забыться.

И счастливой порой, удавалось нам –
Слить уста в огне поцелуя,
И как прежде, паду к твоим ногам –
Ибо чувства мои не уснули.

* * *

31.05.1961г.

А жизнь все дальше и дальше идет –
Тяжелым шахтерским шагом,
И я, порой, провожаю ее –
Длинным тоскующим взглядом.

За годом год, скрываясь вдали –
Прожитые милые годы,
И вряд ли когда, вспомнят они
Про милые юные броды.

Вспомнят - не вспомнят – мне все равно,
В шахте все может случиться,

И на встречу со смертью - готов я давно,
Довелось бы только проститься.

* * *

31.01.1961г.

Пишу стихи – они корявы,
И можно ли стихом назвать? –
Пишу ради забавы –
Было б жизнь, чем вспоминать.
Пишу, и сам не знаю –
Как выразить мысль свою? –
И лишь один их понимаю,
И сам с собою говорю.

* * *

25.03.1961г.

Скучно как то в шахте стало –
От чего и не поймешь,
Или шахту знаю мало,
Где резвилась молодежь.

Где горнячка запевала,
Про кудрявые власа –
Мимоходом задевала
Его карие глаза.

Про работу в одну смену
С милым сердцу горняком,
А порою – за измену –
Расквитаться угольком.

И рождалась любовь в лаве,
И частушкою лихой –
Звала милого к славе,
Провожая в забой.

28.01.1961г. 1 см.

Летней лунной порою,
Ты любовалась рекою.

Рядом стоя, - не скрою –
Я любовался тобою.

Тихо волною играла,
Спокойная летом река –
Пол неба в себе отражая,
И розовые чуть облака.

О чем ты мечтала – не знаю,
В улыбке светилось лицо –
Быть может – ушедшему маю,
Пишешь в уме письмецо.

И было так тихо в округе –
Запах цветов и трав,
Напомнил о милом друге –
Который был прав.

Что скоро уж сорок стукнет –
Романтике виден конец,
А юность опять не аукнет –
Не свяжет цветочный венец.

* * *

09.11.1961г. 3 см.

Вот сидим за столом –
Сидим выпиваем,
И о прошлом своем –
Мало вспоминаем.

Мы лишь знаем – смешные
Песни, анекдоты,
Позабыли и стишки,
Где кричал до рвоты.

А ведь здесь, под землей –
Уже многие годы –
Даем много угля
Мы из-под породы.

Стонет лава, забой –
Рвутся заряды,
И летит уголь рекой
Не зная преграды.

Там, на горах,
Он людей согреет –
И нам станет теплей-
Наше сердце греет!

* * *

04.02.1960г. 2см.

Быстро юность пронеслась,
Тройкою лихою,
И, конечно, не спрося –
Не взяла с собою.

Улетели годы вдаль,
Годы молодые –
Теперь их очень жаль,
Что прошли такие.

Да, прошли и не сказали,
Что уж не вернуться –
К той, что в пуховой шали,
Где глаза смеются.

К летним тихим вечерам
С полною луною,
К нежным жарким губам,
Так любимых мною.

Вспоминай – не вспоминай,
Что уж улетело,
И до чужих юностей –
Никому нет дела.

* * *

20.10.1959г. 2 см.

Шахта-шахта – кормилица наша,
Я тебя теперь не узнаю –
Раньше ты меня манила,
И веселила душу мою.

Были слышны песни и шутки,
В тяжелом горняцком труде,
Теперь уж не сыплют девки прибаутки -

Их не стало в шахте нигде.
Скучно в шахте стало –
Не с кем посмеяться, не с кем пошутить,
И при разговорах – некого стесняться,
Можно по шахтерски – прямо матом крыть.

* * *

03.11.1959г. 1 см.

Ты сказала, я очень грубый –
Может быть ты и права,
Но такие, как твои губы,
Целовал я иногда.

И они не слаще были,
Наших горняцких губ,
Что покрыты слоем пыли,
Идущей с углеспускных труб.

Не стоял вечер лунный,
И не пел среди ветвей,
Песен голосом чудным
Милая пташка-соловей.

Не цвели над нами вишни,
Не черемушка цвела,
И не песни были слышны
Из соседнего села.

Не луною озаренный –
Садик, будто напоказ,
Листвой свежую зеленой
Не скрывал от чужих глаз.

И не запах ароматный,
Стоял в воздухе ночном,
Что особенно приятный,
Когда слышен дальний гром.

Здесь от взрыва стонет лава –
Уголь с шумом летит вниз,
А она крутит снова –
Кричит: «Бойся-берегись»!

И за грохотом отпалки –
Ощущенье пыльных струй.
Матерком тебя покроет,
Скажет: «Леша, поцелуй»!

И валяются угля глыбы,
Газ туманит глаза,
А какие сладки губы,
Что и высказать нельзя.
 За такие поцелуи –
 Я, признаться, все б отдал,
 И, конечно, их слаще –
 Никогда не встречал.
Вот какие по мне губы,
Вот какие по мне глаза –
Когда валяются угля глыбы
И по лаве летит гроза.

* * *

19.11.1962г.

Войцеховскому Иосифу И.

Тебе, милый брат,
Будешь рад, не зная,
Чтобы ты был здоров, богат –
Стих сей посвящаю.

Давно я не видал
Милую Украину,
И не так представлял –
Как ее покинул.

 И приехал я к Вам -
 Не в гости проситься,
 А родным милым местам
 Низко поклониться.

Поклониться, вспомнить,
Что и я, когда то
Самый меньший в семье –
И бил меня «Тато».

 Вспоминаю удары теперь

По месту, на чем сижу я,
Стали для меня, поверь,
Слаще поцелуя.

И вот в этом краю,
Поросшим ольхою,
Я стою и говорю –
Теперь сам с собою.

 Здесь несчастная моя мать
 Меня породила,
 И не могла она знать –
 В Сибирь угодила.

А за ней и я –
Подхвачен общим шквалом,
Очутился у Саян –
Где то за Уралом.

 И что я перенес –
 Рассказывать долго,
 Короче – я на шоссе,
 В руках личная «Волга».

И лечу я вперед –
Зеленый в светофоре,
На пользу иль на вред –
Глушу бившее горе.

 Хочу тебе признаться,
 Может быть кому назло –
 Не было б у меня счастья –
 Да несчастье помогло.

Желаю Вам: Чтобы девок поростили,
Да сына Вашего женили,
Да деток-внуков малых
Да поженили, да замуж отдалы –
Да жить не тужить, да еще правнуков женить.

11.03.1962г.

Приезжай, милый брат,
В гости к нам, в Сибирь –
Посмотри, как край богат,
И какая ширь!

Здесь в жизни кипучей,
Где в реках горная вода,
Где в тайге дремучей
Строят шахты, города.

Я здесь работник шахты –
Двадцать с лишним лет,
несу знамя трудовой вахты,
И про то пишу куплет.

И что в жизни мне досталось,
Все сказать тебе могу,
Но только я не остался
Перед Родиной в долгу.

И сверхплановые тонны –
Я швыряю на гора,
Ведь большие миллионы
Нужны этого добра.

И судьбой своей доволен –
Я горняк, и тем горжусь,
Если нет плана – я болен –
Тебе честно признаюсь.

* * *

16.12.1959г. 1 см.

В комнате душно,
Вышел на крыльцо –
на душе так скучно,
я ветру подставил лицо.

Ветер так мило ласкает,
Играя в кудрях моих,
И многое напоминает,
О днях прошлых, молодых.

Вот такой же летней ночью,
В такой поздний час –
Да нужна ли эта точность,
Провожал в последний раз.

Помню, она говорила –

Можешь оставить меня,
Но не забудешь, что было
До самого последнего дня.

Не о ней я ночью тоскую,
Не о том, что сказала она,
Я жалуясь на юность лихую,
Что коротка так в жизни была.

* * *

5.10.1961г. 2 см. 141 лава

Я работал много в лаве,
И кое - что в шахте видал,
Но подвешивать огниву,
На любой «мощности», не звал.

Потому и ненавижу

Лодыря и болтуна,
По работе сразу вижу –
Какая кому цена.

Коли взялся ты работать,
Так бери и не крутись –
Языком не надо ботать,
А волчком вокруг вертись.

Чтоб товарищ по работе
Не тянул бы за двоих,
Чтобы ты сам был в поте
И не лаял на других.

Лава лодыря не любит –
Ставь времянку, не гляди,
Что «закола» нет – он будет –
Свою спину береги.

Не смотри, что порою
Кровля, как стекло блестит,
И вот «закол» – грозит плитой –
Коль повезет – так инвалид.

* * *

07.10.1961г. 2 см.

Здесь глубоко под землей,
Часто вспоминаю,
Тебе милой и родной –
Стих сей посвящаю.

За горами на равнине,
Там, где озеро блестит,
Смех твой, кажется, поныне
Для меня сейчас звенит.

Хотя осенью уныло,
Выглядят те места –
Мне было очень мило
Целовать твои уста.

Сверху дождик поливает,
Ветер лист в округе вьет.
Пусть про то никто не знает,
Что любовь во мне живет.

Что люблю я очень жарко
Твои милые черты,
Знаю – все пойдет насмарку –
В душе голые кусты.

* * *

25.08.1961г. 1 см.

Ты, я знаю, не горнячка,
И мысль об этом далека,
Но прими, моя гордячка –
Привет от старого горняка.

Много я тебе желаю,
В жизни быть всегда такой –
За столом сидеть не с краю,
И шампань лилась рекой

Чтоб с друзьями вы встречались,
Чтобы муж твой был любим,
И чтобы гости любовались

Чудным голосом твоим.

Чтобы небо прояснялось –
Никогда не было мутным,
А жизнь широко улыбалась
Ясным, теплым майским утром.

* * *

13.06.1961г.

Мы долго в тот вечер катались,
И тихо дождь моросил,
Машина все дальше мчалась,
А город навстречу нам плыл.

Потом на реке очутились –
Тиха вечерняя река,
Легкие волны катились,
Отражая в себе облака.

Я с жаром тогда целовал
Нежные губы твои,
И страсть тебе показал –
Не обузданы чувства мои.

А время подходит к пол ночи
Пора подаваться домой –
Да только милые очи
В душе увез я с собой.

* * *

26.12.1960г. 2см.

Как то летней, утренней порой,
Шел я на работу.
По дороге, стороной,
Кажется, в субботу.

Тениска, легкий пиджачек –
Вся моя одежда –
Тапочки на босу ногу,
Загорелая кожа.

С непокрытой головой –

Шляпы здесь не надо –
Нежит дымкой голубой
Утренняя прохлада.

Так шел я тогда –
Легкий и веселый –
И догнал я два туза,
Возле старой школы.

В ботинках грузно идут –
Аж тротуар гнется,
Плащи на руках несут –
Может дождь возьмется.

А работают в конторе –
Наверное, сводку слышали,
Кратковременными дождями
Их так напугали.

Так идут и сопят –
В полной осенней форме,
И дожди их не возьмут –
У них все в норме.

Впрочем, что же тут смешного –
Могут простудиться,
«драгоценное здоровье» -
Может так случиться.

* * *

13.03.1962г.

Я тебе больше не нужен –
Ты так решила сама,
И, будто, с другою дружен,
Сводившей, когда то с ума.

Нет, я ей не увлекаюсь,
Милым весенним цветком.
Во многом в жизни каюсь,
А сыт был зеленым платком.

И пусть пронеслись грозы –
Любовный прошел ураган,

Как осенью выглядят розы –
Душою тебе я отдан.

Тобою брошено семя –
Ни с кем я его не делю,
Как много прошло уже время,
Но все же тебя я люблю.

* * *

**19.04.1962г. 2 см.
Шутка.**

Вот идут три чудака
Шахтную тропкою,
Разговор издалика
Ведут между собою.

Молвил Чуба:»Если б я –
Заново родился,
То, конечно, не шутя –
В спортсмены пробился.

И хотел бы я стать –
Сильным да здоровым,
И любому сдачи дать
В пивной или столовой»

Вторым делом, так себе,
И выразившись бранью.
«Я хохлам в родном селе –
Выстроил бы баню».

Чтоб красой на все село –
Баня там сияла,
Хохлы мылись весело,
А мать управляла.

Чтоб они, как сейчас,
В печи не ютились,
А взглянули бы на нас –
По субботам мылись.

12.04.1962г.

Как то раз, в выходной,
Чтобы освежиться,
Разрешила ты себе,
Со мною прокатиться.
 И тебя я подхватил -
 На ходу в машину,
 Тем и, видно, согрешил -
 Прокололи шину.
Впрочем - это не беда,
В пути все бывает -
Жизнь шофера такова -
Кто ее не знает.
 А в открытые окошки
 Свежий ветер вьется,
 Искоса гляжу на ножки,
 А душа смеется.
И, как прежде, я люблюсь
Красивым ее станом,
В губы алые целуюсь,
Где то за Калтаном
 И пока толстым льдом
 Калтарак покрыт,
 А погожим этим днем
 Уж сезон открыт.
Солнце светит в вышине,
По летнему греет.
Мы внимаем тишине-
Пусть тоску развеет.
 Этот стих когда - нибудь
 Может прочитаешь,
 И, что было, не забудь
 Ведь ты меня знаешь.
А про эту поездку,
И что ты здесь была,
Толь на память, толь в отместку

Красный прутик увезла.
И когда мы возвращались,
И как прежде одни
Ты ко мне все обращалась:
«Едь потише, не гони».

* * *

22.03.1962г. 3 см.

Ты когда то сама к любви повод дала,
И я за него ухватился,
Притом молодость верх взяла -
Всей душой я в тебя влюбился.
 И любовь расцвела, словно роза весной,
 И вдвоем мы ей наслаждались.
 Теплой летней порой в чаще лесной,
 До рассвета порой целовались.
Из любви мы брали все,
Что назначено жизнью юной,
Поцелуи, лобзанья и много всего,
Что мы видели ночью лунной.
 Но всему есть конец - так и наша любовь -
 Отвергнута вскоре судьбою,
 До боли в душе волнуется кровь -
 Так остался я сам с собою.
И так много дала ты мне понять -
В тебе видна любовная сила,
Теперь чувства мои не могу унять,
Даже стихи писать научила.

В каждом слове моем и каждой строке,
Тебе пишу и внимаю,
И покуда держу ручку в руке -
Ни о ком, о другой, не мечтаю.

23.03.1962г.

Ты стихи мои слушать не хочешь,
Будто говорю что то пустое,
А другая их слушает целую ночь,
И не может остаться в покое.

Не забыть никогда мне такие слова,
Молодой, энергичной Любы:
«Я моложе ее, позабудь» -
И подставила алые губы.

Эх, ты жизнь, повернись!
Луна – улыбайся!
Крепче к милой прижмись –
Счастьем наслаждайся!

* * *

**05.04.1962 г. 1 см.
Осень 1961 года.**

Режут ночную тьму
Мощной машины фары.
Я лихо машину веду,
Под звуки гавайской гитары.
Льются чарующе звуки,
Машина от песен тесна,
И нежные милые руки –
Ласкают и шепчут: «Весна»!

И рвется машина из мрака –
Куда- то вдаль, на простор.
Мерзкая осенняя слякоть –
Свежий ревущий мотор.

Так пели Галя и Люба,
А дождик нам нипочем,
Расстались же возле клуба,
И скрылись в тумане ночном.

19.05.1962г. 1 см.

Видала ли ты, когда нибудь,
Лес перед закатом?
Когда весною, в полную грудь
Дышишь ароматом.

Когда солнце золотит
Деревьев верхушки,
Из цветов ковер пестрит
На лесной опушке.

И кто видел огоньки –
Полные бутоны,
А цветочки-васильки,
Яркие пионы.

А черемушка цветет! –
Царица лесная,
Птица гнездышко вьет
Рядышком порхая.

И когда нибудь и ты,
Весной в лесу будешь,
Черемушки запах и цветы,
Вовек не забудешь!

Нет весны красивей,
Как у нас в Сибири!
Ярче красок и пестрей,
С соловьем в эфире!

* * *

29.05.1962г. 2 см.

Давно тебя не видал,
Милое создание,
А увидел, много б дал,
С тобой за свиданье.

И хотел бы я с тобой,
Очутиться в поле
В летний вечер голубой,
И отдаться воле.

Чтоб черемушка цвела,
Кустом одиноким,
Нас к себе она звала
Запахом широким.

Чтоб цветочки кандыки
Всюду расцветали,
И жарки-огоньки
Головки склоняли.

Чтобы птички распевали
Всеми голосами,
Ветерок чуть-чуть играл
Твоими кудрями.

Луна полная с высоты
Ласково смотрела,
И от дивной красоты
Нежно душа пела.

* * *

02.06.1962г. 2 см.

Вот едем вместе с тобою,
Машина несется легко,
Хотя ты говоришь со мною –
Мысли мои далеко.

Они улетели в юность,
Туда, где горел костер,
Где в летнюю тихую лунность –
Любовь находила простор.

И в профиль снова гляжу я,
Вспоминаю прежние мечты,
И пламенный жар поцелуя,
А вижу чужие черты.

Не вскинешь теперь, как бывало,

При встрече лишь хмурится бровь.
Видно, все давно уж увяло,
Что в народе зовется ЛЮБОВЬ!

* * *

18.04.1962г.

Ты едешь со мной,
Вечер такой голубой –
Я люблюсь тобой,
Милой, желанной, родной.

С неба нам светит луна –
Как прекрасна она,
В этой своей вышине,
И при ночной тишине.

Вот перед нами река –
Как она широка,
Чудна она под луной,
С тихой и малой волной.

У реки с тобою стоим,
С чувством таким молодым,
И кажется, вновь расцвела –
Тропинка, что в юность вела.

Скрывшись между ветвей,
Чудно поет соловей.
Мы внимаем ему,
К сердцу тебя я прижму.

18.07.1962г.

Я приеду к тебе на свидание,
Точно в назначенный срок,
За твое, конечно, признание –
Ты мне нравишься, милый цветок.

Мы уедем с тобою в горы,
Где так нежно птички поют,
Где кругом такие просторы –
Средь цветов мы найдем приют.

На ковре из цветов мы присядем,
И склонятся над нами цветы,
Ты же снимешь свое одеяние –
Пусть сбываются в жизни мечты.
 А вокруг шепчет природа,
 И какая кругом благодать,
 Так прекрасна твоя нагота –
 Даже душу готов отдать!
Чтобы никто нас не видел –
Лишь свидетелем была луна,
От тебя лишь нежности видел –
Отдавала ее ты сполна!

* * *

18.08. 1962г. 3 см. 142 лава.

Поле покрыто
Нежно цветами,
Но не забыто,
Что было с нами.
 Звезды сияют
 В небе высоко –
 Нежно ласкают
 Озера око.
Ты же сказала:
«Как здесь прекрасно,
И приезжала-
Я не напрасно».
 Я не забуду
 Чудную встречу,
 Где я ни буду –
 Тебя я замечу.

* * *

12.09.1962г. 2 см.

Я помню летние ночи,
И лес, озаренный луной,

Милой лучистые очи ,
И речку с тихой волной.
 Здесь вместе с тобой проезжали –
 Ты ждала меня у ручья,
 Здесь ты первый раз услышала
 Чудную песнь соловья.
Ты нежно ко мне прижималась,
Подставила губки свои,
И все, конечно смешалось:
И ночь и луна , соловьи.
 И молвила ты «Не забуду
 Эту чудную ночь,
 Счастья полет и свободу
 Не вычеркну из памяти прочь.

А звезды в небе мерцают,
И шепчется лес и цветы,
И тихо, так тихо тают,
Тронуты негой мечты.
 Но время ушло и далеко
 Осталась лунная ночь,
 По прежнему, но одиноко
 Любуюсь и еду прочь.

* * *

26.12.1962г.

Ты, как будто меня не знаешь,
А встретишь, то просто молчишь –
Не знаю, о чем ты мечтаешь,
Улыбку уже не даришь.
 Сама ты, конечно увяла,
 Куда делась былая краса,
 И не светят теперь, как бывало
 Полные страсти милые глаза.

Мы друг другу совсем чужие,
От того и душой не молчу.
Здесь причины, конечно, другие –
В тебе юность я видеть хочу!

Ты на свете всех дороже,
И по правде сказать, потому,
Что на юность мою - так похожа,
Ну а юность забыть не могу!

От того при нечаянной встрече,
Хоть идешь совсем стороной,
На душе нисколько не легче –
Хотя сердце забьется волной!

* * *

10/01/1963г. 1 смена

Здравствуй штрек мой старый,
Помнишь юность мою,
На вид ты такой усталый –
Я же песни еще пою.

Песни те, что тогда пели,
Бойких горняцких девчат –
Они в душу так засели,
Что поныне еще кричат.

Я спою – и будто слышу –
Через старый завал,
В эту милую старую нишу,
Кто-то ласково позвал.

Может юность мне приснилась,
Или я, что не понял –
Будто ты опять явилась –
И к сердцу крепко я прижал.

Я очнулся – и что же,
У завала я стою –
И душою вновь моложе,
Песни юности пою.

* * *

26.01.1963г.

Повстречалась ты мне с кавалером,
И, шутя, показала язык,
Но к подобным глупым примерам,
Я, пожалуй, давно уж привык.

Перед всем я теперь склоняюсь,
А причина, как видно, года,
Перед ними, конечно, не маюсь,
Что ушли, словно в землю вода.

Так много годами прожито,
А сколько еще прожить?
Мною много угля добыто –
Еще много и нужно добыть.

Через годы и ты повстречаешь,
По дороге юность свою.
Кого вспомнишь, о ком помечтаешь –
Уж о том, я тебе, не спою.

* * *

15.02.1963 г. 2 см.

Вспоминаешь порой, иль забыла?
Как, бывало, ранней весной,
Под черемухой нежной и милой
Любовались полной луной.

И черемухи запах медовый,
Стоял в воздухе тихом, ночном.
Этот миг – чудный и новый –
Казалось, впервые мы в нем.

На лес, залитый луною,
На, черемухи белой, кусты –
Любуйтесь картиной земною –
Шептали нам нежно листы.

21.01.1963г. 2 см.

Я к тебе приеду,
Завтра на свидание.
О тебе скучаю –
Милое создание.

В объятья брошусь,
Крепко поцелую,
Пожалеешь щечку –
Подставляй другую.

Ты, конечно, скажешь –
Обращенья грубы,
А потом прикажешь –
Целоваться в губы.

Щечки или губы –
Все в тебе прекрасно,
Может ты не знаешь,
А я вижу ясно.

Звездочкой ночью,
Ты мне светила,
Не найду покою –
Все ты поглотила.

* * *

17.10.1962г. 3см. 142 лава.

Здесь в саду, где так пусто,
Теперь голые деревья стоят,
На душе, от чего то, грустно –
Видно чувства мои не спят.

Вот у этой тонкой рябины,
Где занята скамейка была,
Все мне чудится образ дивчины,
Что из шахты, так часто, ждала.

Здесь утолено столько страсти,
Дорогих и сладких минут,
Что любое другое несчастье,
Не заставит чувства уснуть.

И куда бы ни шел, ни ехал,
От грусти всегда пою,
Отдаваясь душевным эхом –
Здесь я вижу юность свою.

* * *

22.10.1962г. 2см.

После долгой, однажды, разлуки,
Когда встретились в нашем саду,
Губы жаркие твои и руки –
Вспоминаю, как будто в бреду.

«А я думала, что потеряла
То, что душу мою веселит,
Кому сердце свое вверяла,
За кого оно сильно болит.»

Тополя нас ветвями укрыли –
Лишь луна пробивала покров,
Ее зайчики нежно пестрили,
И не портили чудну любовь.

А как милы, деревья, кусточки,
В жаркой страсти чудных минут,
Серебристы и нежны листочки,
Все старались к губкам прильнуть.

* * *

03.11.1962г. 1 см.

Я шахтер старый –
Еще с тех времен,
Когда по штольне лихо
Свистел коногон.

Когда лесогоны
Еще скобы не знали,
И длинные стойки
Коньками таскали.

А мои руки
Много повидали –
На Тайжинку штольню
Они пробивали.

Много я помню –
Многое забыто,
Много было страху
И все пережито.

Видел хлопцев славных
Живых, молодых,
Видел и пузатых –
Живших за счет их.

Видел такое:
Дутые рекорды,
Как их пожирали
Нахальные морды.

* * *

1 смена.

Снова я тобой люблюсь,
Ты, как в юности, мила,
И ревную и волнуясь,
Что другому отдана.

А подумаешь здраво,
Жизнь никак нельзя понять,
Что другой имеет право
Тебя запросто обнять.

Упрекать теперь не буду,
Выбор чистой души,
Никогда я не забуду,
Как шумели камыши.

Как вдвоем на машине,
Разъезжали по горам,
И по этой ли причине –
Все внимало нам.

И, не знаю, вспоминаешь,
Как чувство наше росло,
Но я верю, что ты знаешь –
Любить душою – тяжело.

* * *

6.11.1962г. 3 смена.

Чуть свободна, порой, минута –
Я скорее сажусь писать –
Будто должен кому то,
И скорее хочу отдать.

Пол жизни провел под землю,
И, когда, на гора выхожу –
То, с какой то душевной тоскою,
Я так жадно на солнце гляжу.

* * *

15.10.1962г. 3см.

На свиданье ты приди,
Пусть любая погода,
Снова душу заряди,
Хоть бы на пол года.

Быстро лето пронеслось –
Будто и не было,
Мало видеть довелось,
То, что сердцу мило.

* * *

Ясной утренней зарей,
Тихою рекою,
Летней ночью голубой
С полною луною.

Низко кланяюсь тебе –
Всем, что лучше в свете,
Подчиняюсь я судьбе,
Она за все в ответе.

Вспоминаешь ли тот день?
Раннею весною,
Иль пропал словно тень
И забыт тобою.

А ведь, первые тогда,
Мы сезон открыли,
У далекого пруда
Так счастливы были?

И хотелось бы вновь,
Там же с тобою быть –
Успокоить жаркую кровь,
Тем сезон закрыть.

И озеру перед зимой,
Низко поклониться,
Чтобы следующей весной
К нему возвратиться.

* * *

Ты со смены меня подождешь,
Я с желаньем к тебе приду,
Всей душой ко мне прильнешь,
На скамейке в нашем саду.

Изболевшись душевной тоской,
Я ловлю огоньки твоих глаз,
Тополя лишь ветвями укроют,
От идущих людей мимо нас.

Позабыв обо всем на свете,
До чего же милы черты,
И с хорошим душевным приветом,
Растворились давние мечты.

Упоенный ласковой негой,
Изливаю чувства мои –
Ведь от счастья никто не бегал,
Дорогие друзья мои.

* * *

15.06.1962г. 2 см.

Пишу все это для того,
Чтобы показать,
Что порой с тоски
Могу стихи писать.

Ты, по праву не веришь –
И кто поверит горняку,
Он не умеет лицемерить –
Отдав пол жизни угольку.

И сидя там под землю,
Он видит далеко,
Где за Калтанскою горою,
Порой так дышится легко.

Порой я вижу, будто двое
Проплывают над рекой,
И не пойму, что такое?
Не гладит он ее рукой.

Это первая их встреча,
Как бы проще сказать,
И чтобы встречу не испортить,
Он хочет нежность показать.

Порой он грезит весною,
Когда черемуха цветет,
Тропой заросшею лесною,
Где соловушка поет.

И девушки, цветы срывая,
Вьют на головы венки,
Природе юной внимая
В глазах лишь счастья огоньки.

Так проходит жизнь шахтера,
Здесь, глубоко под землей,
Душе так хочется простора,
На деле – кровля над тобой.

* * *

1960 год 25 лава.

За чувства нежные мои,
За то, что сердце часто билось,
За то, что я тебя любил –
Ты мне изменой отплатилась.

Но тебя я не виню,
Да и не имею права,
На чужие чувства влиять,
Я тебе не пара.

Ты свои чувства распустила,
За это жизнью платишь,
Хотя они и велики,
Но всех ты ими не охватишь.

И знай – тебе я не указ,
Но всему своя мера,
И чувства нужно придержать,
Хотя б для лучшего примера.

Что было забыто когда то,
В минувшие, прошлые годы,
Сегодня всплыло снова во мне,
Как солнце после непогоды.

* * *

15.07.1965г. 242 лава.

Как то чудно на свете ведется –
Коль прожил ты сорок лет,
Если женщина тебе улыбнется –
Должен хмурить ты брови в ответ.

Ты не должен весело смеяться,
А должен серьезен быть,
Ты не должен другой улыбаться,
И не вправе другую любить.

Разве я в том виноват,
Что живу юной душой,
А притом, я еще не горбат,

Что б глушить порыв молодой.
Я хочу, чтоб душа не сгибалась,
И гнала тоску прочь,
А в душе вечно гнездилась –
Соловьиная майская ночь.

* * *

17.09.1964г. 3 смена.

Летней теплою порой –
По над Кондомой рекой,
Раз пришлось мне наблюдать,
Что и Вам хочу сказать.

На том месте, у парома,
И картина всем знакома:
Кто купается до дури,
Кто любуется фигурой,
Кто лежит, словно пес,
В книгу уткнувши нос.

Но вокруг все изменилось –
Одна парочка явилась.
Он был парень не плохой,
А она – ах боже мой!

Как она была игрива,
И фигурою красива,
Без каких на то причин –
Покорила всех мужчин.

Ласточкой она ныряла,
То плыла, то замирала,
Любовалась собой –
Была довольная судьбой.

С пареньком своим плескалась,
И к нему порой ласкалась.
Мужиков завидки брали –
Жены зло на них взирали:

Дескать очень не тактично,
И право вовсе неприлично,

На виду у многих глаз –
Выставлять все напоказ.

Сам с воды я только вышел –
И с завистью услышал:
«разбалаганка у нее в законе»
Сказали на горняцком жаргоне.

Хороша ее фигура,
И сама она не дура,
А с водой – видать дружила,
Коли всех заморозила.

Мне она порою снится –
Эта чудная девица.
Она, конечно, и не знала,
Что была царицей бала.

* * *

29.11.1963г. 1см. 242 лава.

Чтоб машина стрелою летела,
Чтоб ревел во всю мощь мотор,
А ты рядом со мною сидела –
Я ловил твой ликующий взор.

Чтоб в пути нам не встретить преграды –
И душа неслась вдаль,
Где нам будет милой наградой
За долгую в разлуке печаль.

* * *

**3 смена 10 часов вечера 30. 12. 1964 год.
36 бремсберг.**

Ну что ж, шестьдесят четвертый –
Как другу скажу: «Прощай»,
Ты уходишь с шахты гордый –
Мне ж семьдесят второй посылай. (год выхода на пенсию)

Ты вернешься в шахту снова,
Через целый долгий век,
Шахта верно, будет нова,
Да будет ли в ней человек?

И угля будет не надо –
Будет атом сталь варить?
И другая будет отрада –
Тебе с потомком говорить.

И вот, как в последней смене,
Ты под землю заглянешь,
Через сто лет,
Меня вряд ли помянешь.

Может быть на землекоде,
Этот штрек пересечешь,
В то время он будет в моде
И по другому его назовешь.

Землекоды уже строят,
Наши советские горняки,
Осталось лишь освоить,
Горизонты техники.

Снова к тебе обращаюсь –
Шестьдесят четвертый год!
Со всем хорошим прощаюсь –
Время идет вперед!

27.11.1963 г. 1см.

Давняя осень,
Осень золотая.
Где же ты теперь?
Милая, простая.

О тебе тоскую,
Часто вспоминаю
Золотую осень –
К сердцу прижимаю.

Осень золотая –
Я тобой люблюсь.
Милой, дорогою,
Ох как я волнуюсь.
 Осень золотая –
 О тебе тоскую.
 Я к тебе прижмуся
 Крепко поцелую.
Осень золотая –
Может будешь рада.
Вместе быть с тобою –
Высшая награда!
 Осень золотая,
 Конечно от скуки,
 Милую, родную –
 Подхвачу на руки!

Березка.

Березки, березы,
Сколько Вас на свете –
Среди этих многих,
Я одну приметил.
 И прошли уж годы,
 Прошло много дней –
 Была добрым другом
 Юности моей.
И вот перед тобою –
Снова я стою –
Любуюсь красотой –
И не узнаю.
 Ты стала красивей,
 Ты стала милей,
 Ты стала кудрявей –
 Ты стала добрей.
Ты так повзрослела –
Просто богатырь,

Подросла ты кверху,
Раздалась вширь.
 Я стою, люблюсь,
 Эка простота,
 С листьями целуюсь,
 Чудо красота.
Все еще я помню,
Вплоть до наших дней –
Тот молочный запах
Молодых грудей.
 Хоть кричи от счастья,
 Хоть кричи от боли,
 Может и приснится –
 Просто поневоле.
Пусть светлеют зори,
Пусть горят закаты,
Пусть смеются горы,
Речные перебаты.

Спустя три дня 20. 11. 1976 г.

Я люблю природу –
Ей я и внимаю,
А тебя, березка,
Во сне обнимаю!
И растет березка,
У большого дуба,
А звать ее просто –
Ну конечно – Люба!

МИНИСТЕРСТВО
ВНЕШНИХ СВО
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Управление
по Кемеровской области

652810, Гор. Осинники
Кемеровской области,
ул. Солнечная, д. 61.
Яковлеву-Фидрих Л.И.

15.VI.1992 г. и Я-7
г. Кемерово

На Ваше заявление сообщаем, что, согласно архивным материалам,
Фидрих Игнат Станиславович, 1879 года рождения,

Фидрих Бронислав Игнатьевич, 1917 года рождения,

Фидрих Иосиф Игнатьевич, 1911 года рождения,
все уроженцы колонии Близнецы Емилчинского
района Киевской области,

арестованы Сталинским ГО НКВД: Фидрих И.С. - 3.X.1937 г., Фидрих
Б.И. - 2.XI.37 г., Фидрих И.И. - 4.XI.37 г., до ареста проживали
на Осинновском руднике Сталинского района. Фидрих И.С. работал
ластухом, а Фидрих Б.И. и Фидрих И.И. - каменщиками на Осинновском
руднике. Все трое были необоснованно обвинены в том, что, якобы,
состояли в контрреволюционной повстанческой организации и приняли
участие в подготовке вооруженного восстания против Советской
власти. Постановлением комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от
18 октября 1937 г. Фидрих И.С. осужден к расстрелу. Постановление
приведено в исполнение 30 октября 1937 года. Фидрих И.И. и Фидрих
Б.И. осуждены также к расстрелу этой же комиссией НКВД. Постановле-
ние от 4.XII.37 года об их расстреле приведено в исполнение
18 декабря 1937 г.

Определением № 224 от 21 февраля 1958 года Военного Трибу-
нала Сибирского военного округа Фидрих Игнат Станиславович,
Фидрих Иосиф Игнатьевич и Фидрих Бронислав Игнатьевич реабили-
тированы за отсутствием состава преступления. Справки о реабилита-
ции Вы можете запросить в Военном Трибунале по адресу: 630012,
г. Новосибирск, ул. Гоголя, 8, сославшись на номер и дату опреде-
ления.

Из-за нарушений законности в те годы сведения о месте их
расстрела и захоронения отсутствуют. Имеются записки, что они

содержались в Старо-Кузнецкой тюрьме.
Сведения, сообщенные Вам в 1958 году, об их смерти в
местах заключения не соответствуют действительности. Это про-
изошло вследствие существовавших в то время ограничений на
объективную информацию о жертвах политических репрессий.
По нашему извещению Осинниковский горЗАГС произведет пере-
регистрацию и выдает Вам новые свидетельства о смерти.

Зав. Начальник Управления

А.В. Кузнецов

Федеральная служба контрразведки
Российской Федерации

Управление
по Кемеровской области

19 04 1985 г. № Я-3

г. Кемерово

652810, г. Осинники-3,
Кемеровской области,
ул. Солнечная, д. 61.
Яковлеву-Фидрих Л.И.

На Ваше заявление сообщаем, что, согласно архивным материалам,

Фидрих Игнат Станиславович,
1879 года рождения,

Фидрих Бронислав Игнатьевич,
1917 года рождения,

Фидрих Иосиф Игнатьевич,
1911 года рождения, все уро-
женцы колонии Близнецы Емилчинского
района Киевской области,

арестованы Сталинским ГО НКВД: Фидрих И.С. - 3.X.1937г., Фидрих
Б.И. - 2.XI.37г., Фидрих И.И. - 4.XI.37г., до ареста проживали на
Осинниковском руднике Сталинского района. Фидрих И.С. работал
пастухом, а Фидрих Б.И. и Фидрих И.И. - каменщиками на Осинниковском
руднике. Все трое были необоснованно обвинены в том, что, якобы,
состояли в контрреволюционной-повстанческой организации и принимали
участие в подготовке вооруженного восстания против Советской власти.
Постановлением комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от 18 октября
1937 года Фидрих И.С. осужден к расстрелу. Постановление приведено
в исполнение 30 октября 1937 года. Фидрих И.И. и Фидрих Б.И. осуж-
дены также к расстрелу этой же комиссией НКВД. Постановление от
4.XI.37г. об их расстреле приведено в исполнение 18 декабря 1937г.

Определением № 224 от 21 февраля 1958 года Военного Трибунала
Сибирского военного округа Фидрих Игнат Станиславович, Фидрих Иосиф
Игнатьевич и Фидрих Бронислав Игнатьевич реабилитированы за отсут-
ствием состава преступления. Справки о реабилитации Вы можете
запросить в Военном Трибунале по адресу: 630012, г. Новосибирск,
ул. Тоголя, 8, сославшись на номер и дату определения.

Из-за отсутствия законности в те годы сведения о месте их
расстрела и захоронения отсутствуют. Имеются записи, что они
содержались в Старо-Кузнецкой тюрьме.

Сведения, сообщенные Вам в 1958 году, об их смерти в местах
заключений не соответствуют действительности. Это произошло
вследствие существовавших в то время ограничений на об"ективную
информацию о жертвах политических репрессий.

2.

По нашему извещению Осинниковский горЗАГС произведет пере-
регистрацию и выдаст Вам новые свидетельства о смерти.
Состав семьи Фидрих И.С. на день его ареста: сыновья-Иосиф,
Борислав, Леонтий, 14 лет, дочери-Челестия, 22 года, Елена, 16 лет.
Одновременно сообщаем, что в архивном уголовном деле по обви-
нению Фидрих И.С. сведений об из"ятии или конфискации какого-
либо имущества у него в период репрессий в 1937 году не имеется.

Высылаем раз"яснение по вопросу оформления справки
о признании Вас пострадавшим от политических репрессий.

Начальник подразделения

А.В. СКАЧКОВ

ВОЕННЫЙ СУД
КРАСНОЗНАМЕННОГО
СИБИРСКОГО ВОЕННОГО
ОКРУГА

23 . ноября 1994.

№ 2812

030012, г. Новосибирск-12,
ул. Гоголя, 8

Исп. вх. № 638ж

ФРИДРИХУ Л.И.

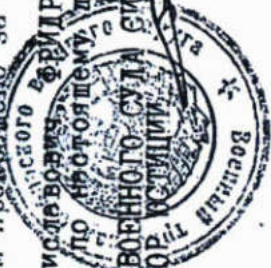
652810, Кемеровская обл.,
г. Осинники-3,
ул. Солнечная, д. 61

С П Р А В К А

Определением военного трибунала Сибирского военного округа № 224 от 21 февраля 1958 года постановлением комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 18 октября 1937 года, согласно которому ФРИДРИХ Игнат Станиславович, 1879 года рождения и постановление комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 4 декабря 1937 года, согласно которому ФРИДРИХ Иосиф Игнатьевич, 1911 года рождения и ФРИДРИХ Болеслав /Бронислав/ Игнатьевич, 1917 года рождения, по неоснованному обвинению в причастности к контр-революционной деятельности /ст. 58 УК РСФСР/ подвергнуты ВМН - расстрелу, отменены, дело производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

ФРИДРИХ Игнат Станиславович, ФРИДРИХ Иосиф Игнатьевич и ФРИДРИХ Болеслав Игнатьевич по обстоятельству, делу полностью реабилитированы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОГО СУДА СИБВО
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ИСТИМИН В. БУЛАЕВ

УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
администрации Кемеровской области

650620, ГСП, Кемерово, ул. Н. Остринского, 17.
Телефоны: 297312, 297331

6 НОЯБРЯ 1993 г. № 10/23-

На № 20064

652810
г. Осинники
ул. Солнечная
д. 61
Фидрих Л.И.

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр. Фидрих Леонид Игнатьевич в 1933 г. был (а).

выселен (а) - из Волынской области

в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», направлен (а) на спецпоселение в Кемеровскую обл.

На основании пункта «в» статьи 3 Закона РСФСР от 18.10.1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» гр. Фидрих Леонид Игнатьевич, 1922 г.р. реабилитирован (а).

Начальник УВД АИ

Шкурат В. В.

Тип. УВД 1993 г. Зак. 238

ПОВТОРНОЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) *Фидрих Карашина Балпаровна*
 умер(ла) *16.09.1937* число, месяц, год
шестнадцатого
сентября число, месяц, год
прошлого
тридцать третьего число, месяц, год
 года
 в возрасте *52* лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
 от *33* года *октября* месяца *20* числа
 произведена запись за № *1019*
 Причина смерти *Кровавый яд*

Место смерти: город, селение *Пашек*
 район
 область, край *Ташкентская*
 республика *Российская Федерация*
 Место регистрации *Городской отдел ЗАГС*
Ташкент
 и местонахождение органа ЗАГС
 от *03* февраля *1990*

Заведующий отделом (биро)
 делами актов гражданского состояния
Д. Ю. Юсупов
 И.О.М. № 333895
 МТГ 1997

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) *Фидрих Бромислав Икнатъевич*
 умер(ла) *18.12.37* число, месяц, год
восемнадцатого число, месяц, год
декабря число, месяц, год
тысяча девятисот тридцать
седьмого число, месяц, год
 года
 в возрасте *20* лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
 от *58* года *мая* месяца *12* числа
 произведена запись за № *47-B*

Причина смерти *Расстрелом*
 Место смерти: город, селение *не установлено*
 район
 область, край
 республика
 Место регистрации *Осташковский ЗАГС*

Местонахождение органа ЗАГС
 Дата выдачи *04* января *19* г.
 Заведующий отделом (биро)
 делами актов гражданского состояния
Григорьев

ИЛ-ЛО № 415471

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (ка) Эдгарис
Иосиф фамилия Иванович
 умер (ла) 18.12.57
Иосифа Иосифовича именем и прозвищем декабря
тридцать цифрами и прописью года
 в возрасте 26 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
 19 57 года мая месяца 12 числа
 произведена запись за № 46-В

Причина смерти Расстрелин

Место смерти: город, селение не установлено
 район не установлено
 область, край
 республика

Место регистрации Осиенки горЗАГС

местонахождение органа ЗАГС
 дата выдачи 04 июня 1992

Заведующий отделом (биро)
Григорьев
 ШИ-ЛО № 415470

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (ка) Эдгарис
Иван фамилия Станиславович
 умер (ла) 30.10.37
Иригузатово именем октябре
двадцать цифрами и прописью тридцать седьмого
 года в возрасте 58 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
 19 58 года мая месяца 12 числа
 произведена запись за № 45-В

Причина смерти Расстрелин

Место смерти: город, селение не установлено
 район не установлено
 область, край
 республика

Место регистрации Осиенки горЗАГС

местонахождение органа ЗАГС
 дата выдачи 04 июня 1992

Заведующий отделом (биро)
Григорьев
 ШИ-ЛО № 415469

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Яковлев

Леонид Игнатьевич

гражданин России

« 16 » июля 1922 г.

село Близнецы

Емельчинский район, Житомирская область

Украина

умер(ла) 15.12.2007 г.

пятнадцатого декабря две тысячи седьмого года

о чем 2007 года декабря месяца 18 числа

составлена запись акта о смерти № 1205

Место смерти город Осинники

Кемеровская область

Россия

Место государственной регистрации Орган ЗАГС

г.Осинники

Кемеровской области

« 18 » декабря 2007 г.

Л. ф. Каурова

Т-ЛО № 899544

ИТТ. 1998